

A romantic close-up of a man and a woman about to kiss. The man is on the left, looking towards the woman on the right. They are both looking directly at each other with soft expressions. The lighting is warm and intimate, highlighting their profiles. The background is blurred, suggesting an indoor setting with soft lights.

Анастасия Градцева

БУДЕШЬ МОЕЙ,
детка

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анастасия Градцева

Будешь моей, детка

Серия «Короли универа», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69407470

SelfPub; 2023

Аннотация

Я оказалась в ужасной ситуации! Мне срочно нужно достать огромную сумму денег. Тимур Соболевский – красавчик-мажор из моего университета – готов мне их дать. Вот только что он захочет взамен? – Меня отчислят, если я не оплачу семестр в течение этой недели. И я навсегда потеряю шанс на то, чтобы выбраться из того болота, в котором живу. Вот что такое настоящие проблемы, Соболевский! Но тебе этого никогда не понять. – Детка, все, что решается деньгами – не проблема, а расходы, – лениво улыбается Тимур Соболевский, следя за мной взглядом кота, поймавшего мышь. – Когда эти деньги есть – то да, расходы, – огрызаюсь я. – А когда их нет и взять неоткуда – проблема. – И где твое бизнес-мышление, детка? Тут же явно рисуется взаимовыгодный обмен, – с каждым словом он подходит все ближе, и я непроизвольно отступаю назад. – У меня есть деньги, которые тебе нужны. И я готов их тебе дать. Потому что у тебя есть то, что нужно мне. – Что? – хрипло спрашиваю я пересохшим от волнения горлом. – Ты.

Содержание

Глава 1. Я тебя найду	4
Глава 2. Новые обстоятельства	16
Глава 3. Игра с огнем	25
Глава 4. Как мимолетное виденье	36
Глава 5. Трудовые будни	47
Глава 6. Отпусти меня	57
Глава 7. Его проблемы и мои проблемы	69
Глава 8. Слабоумие и отвага	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Анастасия Градцева

Будешь моей, детка

Глава 1. Я тебя найду

– Смотри, какая девчуля у окна сидит!

– Ага, губы ништяк, рабочие. Как думаешь, сосет?

– Ну рот есть, значит, сосет. Я так считаю.

И громкий гогот. Опять Соболевский со своими друзьями развлекается за счет окружающих. И ведь никто не вступится за эту девушку, которую они так грубо сейчас обсмеивают. Более того – наши девочки и сами поддерживают такие шутки, готовые на все, чтобы привлечь внимание этих мажоров.

Мне этого, наверное, не понять никогда. Как можно настолько себя не уважать?

Я аккуратно промокаю губы салфеткой и закрываю коробочку с обедом, взятую из дома. В нашей столовой я покупаю только чай, потому что все остальное тут по ценам дорогого ресторана. Впрочем, какой вуз – такие и цены. Частный англо-американский университет. Обучение на английском, бюджетных мест нет по определению, и максимум, на что можно рассчитывать – стипендиальный фонд для наиболее перспективных студентов. Но и он покрывает не больше половины стоимости обучения.

– Я бы ей точно вдул, а ты, Влад?

– Не в моем вкусе, хотя рот ниче такой, согласен.

– Парни, нихера не понял. Про кого вы?

– В шары долбишься? Вон туда смотри – третий столик.

Я морщусь от всей этой грубости и пошлости, но ровно до тех пор, пока не понимаю, что, собственно, третий столик и есть мой. И никого, кроме меня, за ним нет.

То есть... вот это про губы и про... другое. Это они мне?

Меня обжигает острой смесью стыда и злости, я краснею так, что аж жарко становится. Вскидываю, чтобы уйти, и тут же понимаю: не успела.

К моему столику уже идёт Тимур Соболевский, а за ним следом Влад Багров и Никита Яворский. Золотое трио. Один наследник бизнес-империи «ТехноКрат», другой тоже сын какого-то олигарха, третий вообще звезда молодёжной хоккейной сборной. Высокие, плечистые, богатые, наглые и красивые. Вот только красота отвратительна, если за внешним фасадом ничего нет, кроме неё. А это именно их случай.

Прошла только первая неделя учебы, а меня уже тошнит от их компашки. От их грубых шуток, от наглого бесцеремонного поведения. Как будто они тут короли. Хозяева университета – не меньше.

А ведь в прошлом году так не было. Это все Соболевский. Приехал к нам откуда-то из-за границы (папочка его на третий курс сразу определил) и взбаламутил всех в универе. Багров и Яворский в первый же день притянулись к нему

словно магнитом — и началось.

— Детка, ты откуда такая сладкая взялась, а? — Соболевский нагло щурит темные, почти черные глаза и ведет по мне взглядом. Таким неприличным, как будто раздевает меня и раскладывает прямо тут — на столе. При всех.

А я даже слова не могу выговорить. Смотрю на него и пробирает ознобом. Соболевский безумно хорош собой, но мне почему-то жутко от одного только взгляда на него. Он похож на зверя и вся красота его дикая, звериная: иссиня-черные волосы, по-модному взлохмаченные так, будто он только что встал с постели, жесткое породистое лицо с яркими порочными губами и темные страшные глаза, в которых невозможно ничего прочесть.

— Детка! — снова зовет меня Соколовский. — Ау? Ты разговаривать-то вообще умеешь?

— Это она от счастья обалдела, — ржут за соседним столиком мои одноклассницы. — Эй, Васильева! Прием!

Конечно, им смешно. Ведь ясно, что звезда универа мог подойти ко мне только с одной целью — посмеяться и развлечь свою компашку.

И да, я, наверное, отличная мишень для его шуток. Я слишком выделяюсь среди всех остальных студентов: у меня нет машины, нет айфона последней модели, да и одета я, как говорится, бедно, но чистенько. Без всяких брендов. Моя сумка куплена на рынке, а на стареньких, еще школьных туфлях царапины подкрашены краской, чтобы не так в

глаза бросались.

Я сорняк среди всех этих орхидеечек, политых родительскими деньгами и связями. Но сорняк гордый и не собирающийся ни под кого прогибаться.

– Пропусти, пожалуйста, – твердо говорю я. – Я тороплюсь.

– Детка, расслабься, ты уже везде успела, – ухмыляется Соболевский и вдруг хватает меня за плечи и притягивает к себе, впечатывая в твердую широкую грудь. Он высокий, и я носом утыкаюсь прямо в ворот его футболки, непроизвольно вдыхая пряный, подчеркнуто мужской запах. Кожа, одеколон и сигареты. Должно быть мерзко, но мне отчего-то нравится, как он пахнет. И даже самой стыдно в этом признаться.

А Соболевский по-хозяйски лапает меня, сминая ладонью ягодицы под узкой юбкой, и горячо шепчет мне на ухо:

– Ты мне понравилась, детка. Такая свежая, невинная, хорошенькая. А рот твой – просто чума. Поехали со мной. Покажемся. Захочешь – трахну, не захочешь – просто отсосешь мне.

Я так резко отталкиваю его, что от неожиданности он поддается. Щеки горят от унижения, от того, что он со мной сейчас разговаривал как... как с проституткой! Только что денег не предложил!

– Никуда я с тобой не поеду! – мой голос дрожит от подступающих слез.

– Эй, детка, ну чего ты! Я ж не обижу, – ухмыляется он. – Куплю тебе потом что-нибудь. Или могу просто бабла дать. Наличкой или на карту, пофиг. Я не жадный, ты скажи, сколько надо.

А вот и деньги предложил. Как шлюхе. Прямо в столовой. На глазах у всего университета.

Интересно, а минет мне ему тоже надо будет делать перед всеми? Это входит в стоимость?

От эмоций все тело потряхивает. Господи, как же мерзко! Меня в жизни так не унижали.

Я хватаю со столика стакан со своим недопитым холодным чаем и выплескиваю прямо на Соболевского. На его ухмыляющееся лицо, на его брендовую белую футболку, по которой теперь расплывается мерзкое темное пятно.

По столовой прокатывается приглушенное «ах», и все замирают в предвкушении расправы. Развлечение продолжается.

– Сучка! – восхищенно цокает языком за спиной Соболевского Влад Багров, хоккеист. – А так и не скажешь. Со стороны – моль бледная.

– Что, Соболя, не справляешься? – ржет Никита Яворский, а тот ожидаемо свирепеет.

– Рот закрыли оба, – рывкает он, обернувшись к своим приятелям. А потом поворачивается ко мне, и в его лице уже нет ни намека на ту дурашливость, с которой он говорил до этого.

Я судорожно сглатываю и делаю шаг назад, больно врезаюсь бедром в край стола.

– Детка решила кусаться? – мягко спрашивает Соболевский, наступая на меня. Вот только эта мягкость – подушечки лап тигра, скрывающие смертоносные когти. От него веет первобытной угрозой, и у меня внутри все скручивается от страха. – Детка хочет отработать бесплатно, в счет испорченного имущества, да?

– Не подходи! Отойди от меня! Пожалуйста! – я уже не требую. Прошу.

Хотя сама понимаю, что просьбы бесполезны. Я с тем же успехом могла бы умолять бетонную стену.

Но когда его руки больно сжимают мои запястья, вдруг приходит неожиданное спасение.

– Васильева здесь? – кричит секретарша Лилия Матвеевна, заглядывая в приоткрытую дверь столовой. – К декану. Господи, какое счастье.

– Я здесь! – кричу я так громко, что Соболевский морщится, но меня не отпускает.

– Она занята, – шипит он и гневно смотрит в сторону Лилии Матвеевны, но та абсолютно непрошибаема и только иронично ведет бровью.

– Вот еще вашего мнения, Соболевский, я не спросила. Потом свою занятость продолжите. Сначала дело, потом развлечение.

Обычно меня очень раздражает Лилия Матвеевна своим

вредным и неуступчивым характером, но сейчас я просто расцеловать ее готова.

Я выдираюсь из рук Соболевского, хватаю сумку и бегу к выходу, а в спину мне несется хриплый злой шепот.

– Мы еще не закончили с тобой, детка. Жди. Я тебя найду. ***

Я иду за Лидией Матвеевной в сторону деканата и с горечью думаю о том, что ни один из тех, кто был сейчас в столовой, не вмешался и не спас меня от этого ненормального. Даже пальцем никто не пошевелил. Кажется, им наоборот доставило удовольствие, что меня у них на глазах оскорбили и унизили. Может, это месть за все те случаи, когда преподаватели ставили меня им в пример и говорили, что мозги не купишь?

Мозги – нет. А вот диплом, к сожалению, да.

И я прекрасно знаю, что тот же хоккеист Багров почти не учится, проводя все свободное время на сборах. Но при этом переходит с курса на курс без проблем. Как так получается?

Яворского я тоже на лекциях особо не вижу. А Соболевский...

Черт. При одной только мысли об этом уроде горло перехватывает спазмом, а под ресницами дрожат непроливишиеся слезы. Нет! Не буду о нем думать!

И только подойдя к кабинету декана, я вдруг понимаю, что совсем не знаю, зачем меня туда вызвали. Лилия Матвеевна смотрит на меня своим фирменным взглядом «чем

меньше будешь спрашивать, тем дольше проживешь», и мой вопрос умирает, не родившись.

Захожу в кабинет к Ираиде Ивановне и топчусь у порога, ожидая, пока она поднимет глаза от бумаг и заметит меня.

– Оля. Здравствуй! Проходи.

И меня вдруг распирает от гордости, потому что декан помнит мое имя. Все-таки я одна из лучших студенток! Не зря я просиживаю дни и ночи над учебниками, не зря так старательно слушаю лекции и не пропускаю ни одного семинара – стараюсь взять максимум и отработать каждый рубль, заплаченный за учебу в этом престижном вузе.

Но радуюсь я недолго, потому что Ираида Ивановна хмурится и говорит:

– Мне позвонили из бухгалтерии и сказали, что у тебя не оплачено за этот семестр. С твоими родителями не удалось связаться, трубку они не берут и на письма не отвечают. У вас дома что-то случилось?

Я изумленно моргаю.

– Нет, – убежденно отвечаю ей. – У нас все в порядке. Наверное, это недоразумение. Я еще в начале сентября спрашивала у папы, заплатил ли он за обучение, и он сказал, что да.

– Может, платеж не прошел? – предполагает декан. – Оля, реши, пожалуйста, этот вопрос. Если оплаты не будет в течение недели, ты будешь отчислена. И потом даже если восстановишься, то уже за полную стоимость.

– Нет! – я пугаюсь до полубоморока и трясущихся рук.

Куда там Соболевскому – ему и вполтину так не удалось меня напугать, как декану. Обучение в нашем вузе стоит совершенно нереальных денег, даже с учетом того, что пятьдесят процентов за меня оплачивает стипендиальный фонд. Без этой скидки денег, оставленных мне бабушкой в наследство, не хватит даже на то, чтобы доучиться второй курс.

– Это недоразумение, – повторяю я горячо. – Честное слово! Родители заплатят!

– Я очень на это рассчитываю, – говорит она мягко. – Ты очень способная девочка, Оля. Твоя победа на городской студенческой олимпиаде это доказала. Я бы рада была учить тебя бесплатно, но у нас нет бюджетных мест. Совсем. Это сугубо коммерческие специальности, понимаешь? Обучение на английском, преподаватели из-за рубежа – это все стоит денег.

– Понимаю, – отзываюсь я, а сама извожусь от мыслей о том, что же такое случилось с платежом, раз он не дошел. Может, папа неверно что-то оформил? И деньги потерялись? Надо скорее прийти домой и все проверить.

На кону мое будущее. Будущее, ради которого моя любимая бабушка, рискуя вызвать на себя гнев родственников, оставила мне все свои сбережения. Включая деньги за проданную двушку. И написала в завещании, что все это должно пойти на мое образование. Родители сначала хотели купить на эти деньги квартиру и сдавать ее, но я пригрозила им пойти во все СМИ, рассказать эту историю и опозорить

их на весь город, и они нехотя согласились платить из этих денег за учебу. Хотя я буквально каждый день выслушивала от них, что я дура и что все это полная блажь. Напрасная трата денег.

– Я сегодня же все решу, Ираида Ивановна! – твердо говорю я, вежливо прощаюсь и выхожу из ее кабинета. Так же вежливо говорю «до свиданья» нашей секретарше, а Лилия Матвеевна смотрит на меня волком и презрительно фыркает в ответ. Но это ее нормальное состояние, так что я не беру в голову.

Открываю дверь, ведущую из деканата в коридор, и тут же испуганно захлопываю обратно. Сердце колотится, как пойманный воробей, потому что там – в коридоре – я вижу спину Соболевского. Он стоит там один, без своей компашки, но менее страшно мне от этого не становится.

– Что? – агрессивно спрашивает Лилия Матвеевна, потому что ей явно непонятны мои метания туда-сюда.

– Можно я у вас посижу, – прошу я.

– Нет, нельзя! Тебя там кавалер твой не заждался? Еле оторвала его от тебя в столовой. Ну что такое, ни стыда ни совести. Стоят там, обжимаются...

– Он не мой кавалер, – тихо говорю я. – Он...приставал ко мне. Понимаете? Я его боюсь. А он там стоит и ждет меня. Вы можете что-то с ним сделать?

Лилия Матвеевна вздыхает и смотрит на меня с обидной жалостью:

– Васильева, ты ж неглупая девка. Ну что такая, как я, может сделать такому, как он? Ты разве не в курсе, чей он сынок? Тут у нас куда ни плюнь, попадешь в наследника заводов и пароходов.

– Но вы так с ними разговариваете всегда, – бормочу я растерянно. – Как будто не боитесь.

– Не боюсь, – соглашается она. – Но в пределах разумного. По учебе могу хвосты накрутить, потому что папочки и мамочки хотят, чтобы их наследники хорошо учились. А про поведение и слова поперек не скажу. Не хочу новую работу искать. Пойми, девочка: этим золотым деткам можно все, что позволяют им их родители. А они им позволяют буквально все.

Я стою, уставившись в пол. Слезы все же не удерживаются и падают на туфли, расплываясь неаккуратными мокрыми кляксами.

– Халат хочешь? – вдруг спрашивает меня Лилия Матвеевна.

– Какой халат? – шмыгаю я носом.

– У нас в шкафу техничка свой халат хранит запасной. И ведро. Можешь взять. Сумку свою в ведро спрячешь, волосы косынкой завяжешь – он и не узнает тебя, если быстро прошмыгнешь.

– Вы серьезно? – лепечу я. – Правда готовы мне помочь?

– Выйдешь через запасный выход, на первом этаже под лестницей есть такая синяя дверь.

И она кладет передо мной ключ.

– Там рядом кладовка, оставь в ней ведро и халат, я заберу потом. Ключ завтра занесешь.

– Спасибо! Спасибо! Вы даже не представляете, как помогли мне! Я вам теперь должна! Что угодно буду делать! Бумаги могу перебрать, могу полы помыть, могу...

– Поторопись, Васильева, – обрывает она мой поток благодарностей. – А то этот ждать долго не будет. Если зайдет сюда – я тебе уже ничем не помогу.

Я быстро напяливаю на себя длинный халат, низко повязываю косынку и горблюсь, чтобы быть как можно больше непохожей на себя.

– Спасибо вам, – повторяю я. – Вы мой спаситель.

– Это временная мера, – говорит она и вздыхает. – Завтра ведь ты снова придешь на учебу. И вечно бегать от него не сможешь.

– Завтра я что-нибудь придумаю! – обещаю я.

– Ну-ну, – Лилия Матвеевна скептически поджимает губы.

Она явно не верит, что мне это удастся. Но тем не менее помогает мне. А значит, мир – не такой уж несправедливый и бессердечный, каким он мне казался в тот момент, когда я стояла в капкане рук Соболевского.

Глава 2. Новые обстоятельства

До дома я добираюсь без приключений, но меня до сих пор потряхивает. Как я так умудрилась встрять? Вроде нет во мне ничего такого, что бы могло привлечь внимание этого самоуверенного самца. Он же неделю мимо ходил и тискал себе преспокойно наших красоток, почему сейчас-то вдруг зацепился за меня взглядом?

Я запоздало понимаю, что по-хорошему мне не надо было так резко реагировать на подкат Соболевского и вступать с ним в открытый конфликт. Надо было молчать, смотреть тупым взглядом и прикидываться валенком. Меня бы, конечно, обсмеяли, но тогда он бы наверняка отстал. А сейчас... Сейчас для него дело принципа доказать всем своим друзьям, что он может нагнуть любую. Даже такую принципиальную, как я.

Но об этом я подумаю потом.

Дома я быстро переодеваюсь и бегу на кухню. На мне, как обычно, ужин – родители работают до семи, и поэтому мама уже давно переложила эту обязанность на меня. Впрочем, мне несложно. Быстро жарю котлеты, делаю картофельное пюре, режу салат, а потом иду в коридор и стучу в дверь комнаты брата. Там всегда закрыто, ни мне, ни родителям туда без разрешения входить нельзя.

– Сережа! – кричу я, когда понимаю, что мой стук остается

ся без ответа. – Иди ужинать!

Через некоторое время дверь распахивается, и на пороге вырастает мой младший брат. Длинный, лохматый, в домашних штанах и без футболки. Лицо заспанное, глаза красные.

– Ты что, не был сегодня в колледже? – недовольно спрашиваю я.

– Пары отменили, – бурчит он.

Я недоверчиво хмыкаю, потому что уверена: это все полное вранье. Просто Сережка как обычно сидел всю ночь за своими онлайн-игрушками, а потом забил на учебу.

– Да ты просто из-за компа не вылезил, балбес. Так честно и скажи! – я взъерошиваю ему волосы и улыбаюсь, вот только в ответ получаю злой взгляд. Сережка отшатывается от меня и захлопывает дверь прямо перед моим носом. Но я успеваю увидеть, что компьютерный стол в его комнате пуст. Ничего не понимаю!

– Пошли есть! – кричу ему и снова долблюсь в дверь. – Эй, ты чего?

Но в ответ слышу только короткое и грубое:

– Иди нахер.

Странно. Братец у меня, конечно, не подарок, но обычно он так себя не ведет. Я иду к себе, просматриваю конспекты и готовлюсь к завтрашнему семинару, а через час уже приходят родители. Уставшие и какие-то мрачные. Они вдвоем работают в небольшой автомастерской: папа занимается покраской машин, а мама в бухгалтерии сидит и еще на пол-

ставки на складе помогает. Работа у них тяжелая, особенно у папы – весь день на ногах, и поэтому я сразу бегу накрывать на стол, чтобы они могли поужинать.

– Сережка отказался есть, – говорю я маме.

– Понятно, – кивает она, и ужин проходит в полной тишине.

Наученная горьким опытом, я стою в сторонке и не лезу со своими вопросами до тех пор, пока родители не поедят. Но как только папа отставляет в сторону кружку с чаем, я тут же бросаюсь к нему:

– Папа, у меня важный вопрос. Мне в университете сказали, что у нас семестр не оплачен. Но ты же платил, правда?

Он вдруг замирает, его взгляд становится бегающим, растерянным, а потом утыкается в стену.

– Нет.

В груди ворочается смутное беспокойство, но я его старательно прогоняю и спрашиваю еще раз:

– Забыл? Пап, заплати скорее, лучше прямо сегодня через онлайн-банк. Иначе меня отчислят.

– Оля, – мама вдруг резко встает из-за стола, отходит к окну и скрещивает на груди руки. – Папа не будет платить. Нам нечем.

– Что?! – я не верю в то, что слышу. – В смысле нечем? Там на счету три миллиона было!

– Нам пришлось снять эти деньги, – говорит мне папа. – Мы не рассказывали тебе, но Сережа, оказывается, играл в

онлайн-казино. Брал в долг большие суммы, иногда отыгрывался, а вот последний раз проиграл очень много. Он пытался скрыть это от нас, но в конце августа пришла повестка в суд. И нам пришлось... Не было другого выхода. Пойми нас.

– Конечно, она поймет, – резко перебивает его мама. – Что важнее: учеба или брат? Мне кажется, выбор тут очевиден.

Я машинально хватаю тарелку, стоявшую у мойки, но руки так сильно трясутся, что она выскальзывает и летит на пол. Звон, осколки по всей кухне.

– Криворукая, – привычно ругается мама. – Собирай, пока никто не наступил!

Но я не двигаюсь с места.

– Это были мои деньги, – тихо говорю я. – Вы не имели права их брать, не спросив меня.

– Это деньги моей матери! – срывается мама. – И они такие же твои, как и мои! Кто виноват, что она сдвинулась перед смертью и оставила все тебе! На твою блажь!

– Это не блажь. Это образование.

– Нам не по карману твое образование, – мама сама начинает собирать осколки, голос ее звучит зло и одновременно виновато. – Нет, чтобы учиться, как все. Могла со своей медалью хоть куда бесплатно поступить! Хоть в пед, хоть в мед. Но нет, это ж все недостаточно хорошо для нашей принцессы! Тоже мне, вообразила о себе невесть что! Поперлась куда-то, где одни олигархи учатся и где такие сумасшедшие деньги платить надо. Я думала, хоть парня там себе богатого

найдешь и перестанешь на нашей шее сидеть, но нет. Хотя правильно: кто на тебя посмотрит, когда ты из книжек своих носа не высовываешь?

— Сколько он проиграл? — говорю я мертвым голосом. Машины слова проходят будто сквозь меня, не задевая. Это все сейчас неважно. Важно понять, сколько осталось на счету денег. Может, если взять кредит и добавить к оставшейся сумме, то хватит хотя бы на семестр, а потом...

— Три миллиона двести, — говорит до этого молчавший папа. И у меня земля уходит из-под ног.

Я понимаю: это конец. Они выгребли мой счет дочиста. Да еще и своих денег пришлось добавить — не из воздуха же они взяли эти двести тысяч. Наверное, это те, что откладывали на отпуск в Турции, в которую мама давно уже мечтала съездить.

— Вы не имели права трогать мои деньги, — повторяю я сухими, непослушными губами. В висок долбит так, как будто там работает маленький отбойный молоток. — Почему косячит Сережа, а расплачиваюсь всегда я?

— Поговори еще мне тут! — взвизгивает мама, швыряя собранные осколки в мусорное ведро. Прямо вместе с совком. — Мальчик в беде, ему грозила тюрьма, понимаешь? А ты думаешь только о себе! Эгоистка! Тебе не кажется, что иногда надо задвинуть свои интересы ради близких?

— А тебе не кажется, что тебе стоило строже его воспитывать и не позволять все на свете? — вырывается из меня то,

что я сейчас думаю.

И тут же резкая боль обжигает щеку. Мама стоит напротив меня красная, взъерошенная и потирает ладонь.

– Неблагодарная тварь! – выплевывает она мне в лицо.

Папа ничего не говорит и утыкается в кружку с чаем, давно уже пустую.

Я разворачиваюсь и молча ухожу к себе.

В коридоре сталкиваюсь с выходящим из туалета Сережкой. Он по моему взгляду понимает, что я все знаю, и неловко пожимает плечами.

– Эта...ну... прости, Оль. Мне короче жаль, что так получилось.

Я думала, что когда увижу его, задушу голыми руками. Но сейчас смотрю в виноватые глаза, которые уже давно находятся выше моих, и против воли вспоминаю, какой он был хорошенький в детстве. Пухлые щечки, вечно красные от диатеза, удивленно распахнутые голубые глазки и забавный деловой вид. Он был веселый, ласковый малыш и не скупился на слюнявые детские поцелуи и обнимашки, которые постоянно мне доставались как любимой старшей сестре. «Ой-юша», – лепетал он, старательно выговаривая мое имя. – «Люлю Ойюшу».

Вроде у нас всего два года разницы, а я всегда ощущала себя отчетливо старше. И сейчас, как старшая, не могу злиться на этого несчастного идиота. Хотя и надо бы.

Впрочем, виноват то, по большому счету, не он, а наши

родители, которые ему всю жизнь только что в попу не дули. Они очень хотели сына, потому что сын – это продолжатель рода, наследник. А девочка... Ну что девочка? Какой от нее толк?

Папа так ждал сына, что, когда родилась я, ушел в трёхдневный запой. И вовсе не от счастья, как можно было подумать. И поэтому маме пришлось в срочном порядке рожать второго. Ей повезло, что на этот раз удача им улыбнулась и у них получился мальчик, а то так и рожала бы до победного.

Так что у нас в семье не стоял вопрос, кто тут самый любимый ребенок. Это было ясно сразу: не я. У Сережи всегда было все самое лучшее, его не ругали, не напрягали, не загружали делами по дому. Зато я и готовила, и убиралась. Причем в его комнате тоже. Потому что он ведь мальчик! Ему такое по статусу не положено!

А еще он всегда получал то, что хотел. Игрушку, модные кроссовки, мою шоколадку (у Оли вкуснее, я хочу как у нее!). Список можно было продолжать бесконечно. А сейчас он получил и то единственное, что было для меня важно – бабушкино наследство и мой шанс на другую жизнь. Шанс выбраться из бедности и режима постоянной экономии, шанс уехать в другую страну, шанс стать действительно классным специалистом...

– Как можно было проиграть столько денег? – спрашиваю я вместо того, чтобы ругать Сережу.

– Это ж не за один раз, – невесело ухмыляется он. – Сна-

чала я играл только в слоты – этот как игровой автомат, только онлайн и с кнопкой вместо рычага. Играл на карманные и выигрывал. Можно было поставить пятьсот рублей, а выиграть три тыщи. Я так насобирав почти шестьдесят косарей, но слил все на повышенных ставках. Потом ушел в жёсткий минус и пытался отыграться. У друзей занимал, у родителей брал – говорил, что надо в колледже сдать на поездку или вещи надо купить. Набрал вместе с займами семьсот, поставил повышенную... Ну и вот. Не отыгрался.

– Играл ты, а жизнь поломалась у меня, – говорю я тихо, надеясь, что он хотя бы немного поймет масштаб того, что натворил. Но Сережка только закатывает глаза, сразу становясь очень похожим на маму:

– Бля, Оль, ну ты драму квин-то тоже из себя не строй! Чо там поломалось-то у тебя, а? Ну в другой универ пойдешь. Ты ж с мозгами, тебя возьмут хоть куда.

– Мне не надо хоть куда, – говорю я ровно, смотрю в его лицо и вижу: он не понимает. И, наверное, никогда не поймет.

Так что я просто иду в свою комнату и, только закрыв за собой дверь, вспоминаю, что так и не поела. И вот вроде бы это сейчас меньшая из моих проблем, но становится так обидно! Желудок подводит от голода, особенно при мысли о вкусной котлетке с поджаристой корочкой и воздушном картофельном пюре. Есть хочется ужасно, я, видимо, не из тех людей, у кого переживания отбивают аппетит. Но как бы я

ни была голодна, на кухню я сейчас не пойду. Я не готова видеть родителей. Я слишком зла и боюсь, что скажу им еще что-то такое, после чего меня вообще из дома выгонят. А на улице сейчас оказаться совсем не вариант.

Пиликает входящим сообщением телефон, я без всякой задней мысли беру его, открываю – и вздрагиваю, едва сдерживая крик, словно увидела не буквы, а огромного тарантула.

Страх липко ползет по позвоночнику, пока я уже в третий, наверное, раз перечитываю это сообщение. Номер у меня не записан, но на аватарке у отправителя алый Феррари. Такой есть только у Соболевского. Это все равно, что он бы свою фотку туда поставил. Узнавание моментальное.

«завтра утром за тобой заеду, детка. Поедешь со мной на пары. И в твоих интересах меня дождаться, поняла? Спокойной ночи»

Это становится последней каплей, и я, свернувшись жалким комочком, рыдаю, уткнувшись носом в подушку.

Глава 3. Игра с огнем

Я встаю в шесть утра. Именно встаю, а не просыпаюсь, потому что этой ночью я не спала. Совсем. Зеркало отражает зареванное лицо и покрасневшие глаза – теперь меня никто не сможет назвать хорошенькой, особенно этот избалованный самодовольный козел. Я не собираюсь его дожидаться, поеду на первом автобусе и буду сидеть у крыльца университета, пока его не откроют. Там я все же в большей безопасности, чем здесь, у дома.

В голове всплывают слова Соболевского о том, что в моих интересах ждать его, но я только горько усмехаюсь. Что бы такого страшного он ни придумал, это все равно не затмит того, что сделали мои родители.

В моем телефоне за сегодняшнюю ночь появился новый контакт. Без имени. Именно этот номер телефона я нашла, когда шерстила объявления о работе. «Требуются молодые девушки приятной внешности, зарплата достойная, почасовая оплата».

Я самонадеянно решила, что раз ко мне почему-то прицепился Соболевский, то я как минимум не уродина, так что позвоню туда сегодня и узнаю. Скорее всего надо будет работать промоутером. Им же как раз платят за отработанные часы. Я понимаю, конечно, что это капля в море от тех денег, которые мне нужны, но других идей у меня нет. Не то чтобы

я была в восторге от работы промоутера – стоять в торговом центре и часами предлагать посетителям купить сыр с новым вкусом, – но что поделать? Я и полы мыть пойду, если надо. Все равно профессии у меня пока нет.

Я еду до университета в полупустом автобусе. От остановки иду еще пятнадцать минут пешком. У здания универа в такую рань никого. Двери заперты, что и следовало ожидать, а на ступеньках ворох желтых листьев. Насыпались за ночь, а дворник, видимо, еще не успел их смести.

Я усаживаюсь прямо на лестницу, подложив под себя сумку. Буду тут, чтобы не пропустить момент, когда откроют двери. Сижу, бездумно смотрю на светлеющее небо и ежусь от холода. Куртка у меня старая, греет плохо. Хотела попросить у родителей денег на новую, но теперь-то что уже? Буду в этой ходить.

Примерно через час парковка возле университета оживает. Подъезжают дорогие красивые тачки, оттуда высовываются руки с сигаретами – им неохота выходить из машины, чтобы покурить на улице. Ну правильно, на улице же холодно, а тут теплый салон и сиденье с подогревом. Хотя редкие парочки все же покидают свои машины, чтобы пообжиматься на капоте. Еще несколько девчонок стоят у своих тачек со стаканчиками, на которых красуется логотип дорогой французской кофейни, и весело болтают, откусывая от хрустящих круассанов.

Меня никто не замечает. На меня будто всем плевать. Ну

и хорошо! И я так глубоко ухожу в свои мысли, что в итоге пропускаю главное – визг тормозов алого Феррари, который на дикой скорости подъезжает к универу и останавливается прямо на тротуаре.

Черт. Черт! Надо валить!

Но куда? Двери же еще закрыты!

И пока я растерянно кручу головой, пытаюсь сообразить, куда бежать, из машины выскакивает злой, как тысяча чертей, Соболевский, тут же находит меня взглядом и в мгновение ока оказывается рядом.

Я пытаюсь встать со ступенек, но на мои плечи тут же опускаются его тяжелые ладони, не давая подняться.

– Вот так и сиди, детка, – выдыхает он зло. – Лучше было бы на коленях, но и так сойдет.

Я дергаюсь, но он бесцеремонно хватает меня за волосы, наматывает их на руку и медленно – издевательски медленно! – притягивает ближе. Мое лицо теперь напротив его бедер – узких, крепких, плотно обтянутых джинсами. Еще немного, и я носом уткнусь прямо ему в ширинку.

Я поднимаю глаза, вижу его издевательскую ухмылку и понимаю, что именно к своему паху и тянет меня Соболевский, наслаждаясь тем, что на нас сейчас все смотрят. Еще бы! Такое представление!

– Зря бегала от меня, детка, – шепчет он, и его темные, почти черные глаза похожи на бездну. – Отсосала бы мне в машине без свидетелей – самой же проще было бы. А сейчас

при всех поработаешь.

На глаза наворачиваются слезы, меня трясет.

– Не надо! Я не хочу! Пожалуйста!

– Что не хочешь? – приподнимает он бровь. – Ну давай, скажи это своим чистым правильным ротиком.

– Не хочу э-это...

– Делать минет? Отсасывать? – любезно предлагает он мне варианты, а я удушливо краснею.

Слышу смех, голоса, пошлые выкрики. Кто-то нас фотографирует, а кто-то даже, кажется, снимает мой позор на видео.

Но Соболевскому словно плевать на всех. Он бесцеремонно проводит большим пальцем по моим губам. Гладит, очерчивая их контур, а потом настойчиво размыкает подушечкой пальца губы, проникая внутрь, и я случайно касаюсь его кончиком языка. Ощущаю горьковатый, отдающий сигаретами вкус его кожи.

Вздрагиваю, поднимаю глаза. Мой взгляд встречается со взглядом Соболевского, и у меня останавливается дыхание, потому что в нем уже не ярость. Какое-то другое чувство. Но столь же дикое, темное и еще более опасное. У меня странным образом тяжелеет внутри, словно это темное и страшное проникло и в меня тоже.

– Бесишь, – выдыхает он почти беззвучно, вздергивает меня на ноги и впивается в мой рот, грубо проникая внутрь языком. Целует, а потом резко отталкивает и показательно

сплевывает на ступени слюну.

– План по благотворительности я на этот год выполнил! – громко объявляет Соболевский всем собравшимся зрителям.

Его поддерживают дружным смехом.

– Эй, Соболя, ты ж ее трахнуть хотел! – кричит кто-то.

– Тебя, блядь, не спросил, – скалится он. – Сам разберусь, кого мне ебать. Вот ты, кстати, подойдешь!

Соболевский хватает какую-то девку и показательно ее приобнимает. Она визгливо смеется и идет вместе с ним в универ. Двери там уже открыты. На меня Соболевский даже не оглядывается.

А я стою там, где он меня оставил. Никак не реагирую на похабные шутки и тупые вопросы, обращенные ко мне, поднимаю сумку, отряхиваю ее и просто жду, пока толпа на крыльце рассосется. Во рту все еще его вкус. Если можно изнасиловать поцелуем, то Соболевский сейчас со мной это сделал. Я чувствую себя грязной. Грязной, бедной и ничтожной. Может, и правильно, что я скоро вылечу из этого престижного университета. Мне тут не место. Кто я и кто они?

Буду учиться на медсестру или на учителя начальных классов, а потом пойду работать в поликлинику или школу. Или в автосервис, где работают родители. Там хотя бы зарплата чуть повыше, чем у бюджетников.

– Нет, – вдруг говорю я сама себе. Тихо, но твердо. – Ну уж нет.

И звоню по тому самому телефону, который я нашла ночью. ***

Контора, куда я еду устраиваться, находится на другом конце города. Почти час дороги с тремя пересадками! Это жутко выматывает! Хотя я и заехала домой после университета переодеться, но выгляжу сейчас не лучшим образом. Блузка прилипла к спине, волосы взлохмачены, а на лице видны все мои переживания и бессонная ночь.

Покружив по незнакомому району и найдя наконец нужный мне дом, я достаю карманное зеркальце и, как могу, привожу себя в порядок. Приглаживаю встрёпанные волосы, щипаю себя за бледные щёки, чтобы на них появился хоть какой-то румянец. А губы можно не трогать, они и без того алые и припухшие. Натертые щетиной. До сих пор.

Вздрагиваю, вспоминая наглый язык, который хозяйничал у меня во рту, и жесткие губы, так уверенно прижимающиеся к моим. Соболевский не нежничал со мной, был груб и резок, но... Но я почему-то вспоминаю снова и снова и сам поцелуй, которым наглый мажор явно хотел наказать меня, и его руки, которые гладили меня по спине и затылку и были неожиданно бережными для того, кто предлагал мне отсосать ему на крыльце университета.

– Кто? – спрашивает хриплый, но определённо женский голос в домофоне.

– Это Оля. Васильева, – торопливо отвечаю я. – Я вам звонила, по поводу работы.

– Второй этаж, кабинет 13. В конце коридора, – сухо информирует она меня и отключается.

Дверь пищит, открываясь, и я вхожу. Это не похоже на сияющий стеклом и металлом офисный центр. Скорее на какой-то старый дом, в котором вместо квартир – кабинеты. И на каждом табличка. Маникюр, парикмахер, нотариус, ломбард...

Я поднимаюсь на второй этаж по лестнице и сразу вижу тринадцатый кабинет. Надпись на нем ни о чем мне не говорит: агенство «Pretty woman».

Я стучусь, мне кричат:

– Входите, не заперто.

Делаю короткий вдох, одёргиваю юбку, блузку, поправляю волосы и вхожу, стараясь выглядеть максимально взрослой и серьезной.

На подоконнике у открытого окна сидит нога на ногу женщина и курит, стряхивая пепел в горшок с цветком.

– Привет, Оля Васильева, – говорит она. – Я Рита. Щас, докурю – и поговорим.

В несколько затяжек приканчивает сигарету, спрыгивает с подоконника и подходит ко мне. Критически рассматривает, просит повернуться, поднять руки, потом открыть рот. Она что, реально смотрит на мои зубы? Кошмар! Никогда не думала, что наниматься на работу так унижительно.

Я в полном шоке, но послушно выполняю все, о чем меня просят. И Рита вроде бы остается довольной.

– Ты говорила по телефону, что английский хорошо знаешь?

– Очень хорошо. Я на нем учусь.

– Отлично, это прям отлично. Подожди... А восемнадцать-то хоть есть тебе? – спрашивает она с сомнением. – А то личико у тебя больно свежее.

– Девятнадцать уже.

– Лады. Грудь тройка?

– Эээ... да.

– Шрамы на теле есть от ран или операций? Татуировки? Пирсинг?

– Ничего нет.

– Ну и супер, умничка. Мы с большими шрамами совсем не берем, а татухи к твоему типу не подходят. Ты у нас девочка-одуванчик будешь, правда?

Рита хрипло смеется, а я не очень понимаю, о чем она, но натужно улыбаюсь.

– Так, Оль, слушай, – переходит она на деловой тон. –

Оформляем тебя по тэка (прим. трудовой кодекс), как консультанта на минималку, чтобы не прикопались. Но за работу получаешь наличкой. Процент менеджеру. Первый раз пятьдесят отдаешь, потом если все нормально идет, уже сами договоритесь.

– А сколько денег? – спрашиваю я робко. Мне не очень нравится идея, что зарплата будет в черную, но при этом думаю о том, что так должно больше выйти.

– Ну... – она задумывается. – Я бы сказала тридцать-пятьдесят штук за пару часов. Начать стоит с этого.

– Тридцать тысяч рублей? Так много? – я не верю своим ушам.

– Это разве много? – хмыкает Рита. – Отнимай процент, да еще плюс расходы, причем не маленькие. Анализы сдаешь каждый месяц, раз в год полный чекап. Это все за свой счет. Одежду можно у нас брать, если на заказ едешь, но под залог. И лучше своей потом обзавестись. Белье только свое, и чтобы не на рынке за две штуки купленное, поняла?

У меня голова кругом идет.

– А зачем белье? И зачем так часто анализы сдавать?

– А как ты хотела? – удивляется Рита. – У нас же не трасса. Мужики солидные приходят, им нужны чистые здоровые девочки. Никто не хочет потом жене притащить болячек всяких. Ну а белье... думаешь, кто-то захочет тебя в хлопковых трусах трахать? Нет, ну может найдутся извращенцы...

У меня к горлу подступает тошнота, я вскакиваю и подбегаю к окну. Дышу холодным свежим воздухом, вроде отпускает.

Дура! Какая же я дура!

– Вы проституток набираете, да? – сипло спрашиваю я.

– Сама ты проститутка, – обижается Рита. – У нас эскорт! Сопровождение мужчин, поняла? Интимные услуги по желанию заказчика.

Я прижимаю ладонь ко рту. Она дрожит. Глаза жжет от

подступающих слез, а лицо горит от стыда.

Рита смотрит на меня с обидным сочувствием.

– А ты куда шла устраиваться, чудо в перьях?

– Про-мо-у-тером... – я начинаю рыдать, и слово выходит с каким-то жалким подвыванием.

Рита в голос ржет:

– Ну ты и ромашка! Бляяя, расскажу девкам, они кипятком от смеха ссать будут. Домой иди, промоутер. И больше на такие объявления не отзывайся.

– Мне деньги нужныыыы...

– Тогда иди к нам работать, в чем проблема, – не понимает она.

– Я не могуууу! Я даже не спала ни с кем ни разууууу....

– За это можно в два раза больше денег срубить, – тут же говорит мне Рита по-деловому. – Если еще и двое их будет...

Мой плач переходит в истерику, и Рите приходится отпавивать меня водой. Когда я, красная, опухшая и икающая, наконец прихожу в себя, она закатывает глаза:

– Ну да, куда тебе в эскорт. Ты член увидишь – в обморок свалишься. Давай домой топай. Хотя...

– Что? – дрожащим голосом спрашиваю я и шумно высмаркиваюсь в салфетку.

– Убираться умеешь? У нас как раз уборщица уволилась. Надо будет утром мыть квартиру после посуточной сдачи. У нас таких десять, в хорошем доме и районе. А то знаешь, не все в отель хотят ехать. Тебя за одной квартирой закреп-

пят, будут вызывать смской. Выглядеть прилично надо, форму дадим, моющие средства тоже. Мыть молча, быстро и качественно, не воровать. Согласна?

– Да, – обреченно говорю я.

И думаю о том, что лучше мыть полы, чем... Чем делать то, что мне предложили в начале. Так я смогу сохранить хоть какие-то остатки самоуважения.

Глава 4. Как мимолетное виденье

Тимур

– А ты мне сразу понравился, – хихикает незнакомая девушка, висящая у меня на рукаве. – Как только тебя увидела! Помнишь, ты еще зашел в аудиторию и сказал «Я Тимур», а потом так на нас на всех посмотрел, что у меня трусы намокли сразу. Ты еще в такой белой рубашке был, что просто отвал башки! Тебе идет белое, знаешь? С твоей смуглой кожей и накачанными мышцами это огонь-пожар. Ой, неужели не сплю? Не верю, что ты меня выбрал! Девки умрут от зависти. Ты таааакой секси, я не могу!

И она беззастенчиво лапает меня за бицуху, а потом тянется напояженными губами к шее. Морщусь, аккуратно отцепляю ее. Но она не успокаивается:

– Я тебе тоже нравлюсь, да?

Мне хочется ответить в рифму, но сдерживаюсь.

– Норм, – коротко бросаю ей, пытаюсь отодвинуться.

Она реально считает, что я выбрал ее? Смотрел, бля, и выискивал кого покрасивее? Да я тупо схватил первые более-менее приличные сиськи, которые попались в толпе. Только чтобы уйти от этой девчонки, от этой детки, у которой оказался слишком сладкий рот. Соленый от ее слез и в то же время сладкий. Как мед. И во время нашего поцелуя, когда безжалостно сминал ее губы своими, на мгновение по-

чувствовал, что это не я ее подчиняю себе. Нет! Это она меня берет в плен. Своими огромными голубыми глазами, полными слез и оттого похожими на драгоценные камни. Своим нежным испуганным голосом. Своими мягкими полными губами и жарким ласковым язычком, совсем неумелым, но от того еще более желанным. А еще дурманящим запахом. Медовая прохладная сладость. Она пахла так, что хотелось ее сожрать. Еще с первого раза, когда заметил ее в столовой, и облапал, прижал к себе, она мне башню сорвала своим чертовым запахом. Я вдыхал его и дурел. Хотелось присвоить, забрать, взять, сделать своей, даже если для этого придется ее сломать. Не хотелось бы. Я не люблю ломать то, чем еще не наигрался. Но как быть, если добровольно эта детка не готова пойти со мной?

И я до сих пор не понимаю, почему. Почему она отказала? Что ее не устроило?

Я знаю, что красив. Но кроме смазливой рожи и накачанного тела во мне есть то, что как магнитом притягивает всех баб – сила, власть, деньги. С подросткового возраста они сами на меня вешались, только успевай выбирать. И никогда с этим не было проблем. Я привык брать то, что мне нравится, не напрягаясь. Я привык платить за удовольствие и не всегда это были деньги. Иногда дорогие подарки, иногда возможность прикоснуться к красивой жизни, иногда просто охерительный секс, которого от меня ждали.

Что дать ей? Той, которая ничего от меня не хочет, и сво-

им сопротивлением будит во мне моих внутренних бесов. Рядом с ней я схожу с ума. Рядом с ней у меня срывает чеку, и я становлюсь в несколько раз хуже. Еще большим мудаком, чем есть.

Девка не понимает намеков и снова прижимается ко мне, в нос бьет приторным резким запахом духов. Я морщусь.

– Иди погуляй, а? У меня нет настроения.

– Почему? – в глазах у этой вселенская обида и непонимание. – Ты же позвал меня. Сам!

– Передумал.

– Тимур, – она вдруг прижимается совсем близко и шепчет выразительно мне на ухо, – я ведь все понимаю! Я могу, как захочешь, тебе сделать. Хочешь, в туалет пойдем?

Я хмыкаю. Кажется, эта богатая девочка из хорошей семьи готова прямо сейчас мне отсосать. Возле унитаза.

Оглядываю ее еще раз: сиськи и правда зачет, у меня глаз-алмаз, а в остальном далеко не высший сорт. И вроде какая разница, рот у нее неплох, да и личико милое, но у меня в штанах даже не шевелится ничего от ее грязного соблазнительного предложения. А ведь совсем недавно член рвался в бой только от одного запаха той сладкой детки.

– Не интересует, – спокойно говорю я и отстраняю ее от себя. – Иди на занятия лучше, эээээ...

– Милана, – обиженно подсказывает она. – Я же тебе говорила.

Бля! Считаешь, я тебя слушал? Тогда ты еще глупее, чем

показалась на первый взгляд.

– Пока, малыш! – шутливо чмокаю ее в щеку, чувствуя на губах неприятную липкость то ли от крема, то ли от пудры. Хер знает, чем они там мажутся, чтобы выглядеть лучше. – Думаю, ты найдешь, кого обрадовать своим ротиком!

– Мудак! – кричит она мне вслед, но я кривлю губы в ухмылке. Как будто я этого не знаю.

На учебу идти неохота, ничего нового я там не узнаю. Мой английский соперничает с английским преподав, я тоже говорю без акцента, как и они, потому что закончил старшую школу в Сан-Франциско. И до этого меня всегда обучали носители языка. Отец не жалел денег на мое образование. И я бы учился дальше в США, в университете, который давно себе присмотрел, но внезапное расширение компании... И я нужен отцу здесь. Этот университет как компромисс, но, блин, для меня тут реально ничего нового. Меня воспитывали как наследника империи, как бизнес-проект. С пяти лет обучали горным лыжам, рафтингу, фотографии, основам продаж, бизнес-коммуникации и системе вознаграждений. Как меня могут здесь научить бизнесу, если я и так все уже это знаю? На практике, блин. С конкретными цифрами.

– Соболев, ты рано чего-то, – окликает меня Ник Яворский. Обмениваемся с ним рукопожатиями. Он и Влад Багров – зачетные пацаны. Сразу видно тех, кто уже чего-то добился в жизни, а не просто прожигает папочкино бабло. Ник круто шарит в сфере блокчейна и криптовалюты, нехило на

этой теме зарабатывает, а у Влада вообще богатых родителей нет. Он из какого-то поселка областного, выбился в звезды сам. С четырех лет в хоккее, самородок, бля. Видел я, как он играет – реальная ракета. Размазывает всех по бортику на раз.

– Да дела были, – туманно отвечаю я Нику. – А ты чего?

– Тоже дела были, – усмехается он.

– Что-то с этим, – я морщу лоб. – Ну этим фондом твоим?

Как он, блин, называется?

– Фонд по предоставлению ликвидности на децентрализованных биржах, – напоминает Ник, и коротко ухмыляется. – Слишком сложно для тебя, да, Соболь?

– Отъебись, умник! На пары идешь?

Он смотрит куда-то за мою спину, а потом вдруг резко говорит:

– Нет. Не иду. Нахер. Поехали погоняем лучше.

– А ты на Макларене сегодня?

– Ага.

– Ну давай.

– А вечером что? Планы?

– Никаких, – честно отвечаю я.

– Зависнем?

На языке Ника «зависнуть» – это сесть в дорогушем баре с самими красивыми девками нашего города. Отборными. Его интересуют исключительно длинноногие модели, отвечающие всем самым хитровыебанным стандартам красоты.

И я всегда всеми частями своего тела за такие предложения, но сейчас почему-то молчу.

Мне... странно сказать... не очень хочется?

– Соболев? – теряет терпение Ник.

– Херня вопрос, – ухмыляюсь я как можно шире. – Конечно, зависнем.

И пусть я и не очень хочу, но надо. Мне нужна породистая девка высшего сорта чисто для того, чтобы мозги на место встали. В терапевтических, так сказать, целях. А то я со вчерашнего дня сам на себя не похож. Эта нежная детка с невинными глазами и порочным ртом сбила мне все настройки. И это бесит. А еще больше бесит то, что не перестаю о ней думать.

Оля.

Идиотское, тупое имя. Сельское какое-то. Простое, как трусы на веревке. Но почему-то оно у меня не выходит из головы.

И пока я гоню свою красную красавицу по трассе, почти нагнав Ника, в мыслях словно колокольчики звенят. Оля, Оля, Оленька. Чертова проклятая детка. Сладкая, как мед. ***

Ник проиграл в гонке, так что сегодня платит он. Я имею в виду, закрывает счет в баре, потому что с девочками, ясное дело, каждый из нас сам решает вопрос. А они хороши – Ник сегодня как будто особенно постарался. Все трое модели: высокие, фигуристые, ноги от ушей, да и упакованы так,

что слюнки текут. Брюнетку Лизу я знаю, мы с ней уже как-то трахались. Было, кстати, неплохо. Остальных двух вижу в первый раз: и веселую рыжую по имени Эля и загадочную, с восточными миндалевидными глазами, Амину.

Ник сразу хватает Амину и по-хозяйски пристраивает себе под бок. Я хмыкаю и шепчу так, чтобы девочка не заметила: «Что, на экзотику потянуло?»

Ник закатывает глаза и показывает мне средний палец.

Брюнетка Лиза сегодня в супер-коротком алом платье, которое показывает ее товар лицом: и километровые ноги, которые отлично смотрелись на моих плечах, и аппетитные сиськи. Вот только я уже раздевал эту девочку и прекрасно знаю, что половина этого объема – заслуга не природы, а ее навороченного лифчика. Без него там и полапать особо нечего. Беда многих моделек, что они плоскогрудые как доски. Я против воли вспоминаю, что у детки с этим как раз полный порядок. И аж зудит внутри, как хочется разорвать на ней ее скромненькую, как у учительницы начальной школы, блузочку, а потом содрать белье и обхватить ладонями пышную упругую грудь и погладить большими пальцами соски. Какие они у детки, интересно? Нежные и розовые, как ее губки?

Сука! В штанах все твердеет и тяжелеет, и я незаметным быстрым жестом чуть ниже натягиваю рубашку. Это не ускользает от внимания Лизы, она многозначительно округляет глаза и самодовольно хмыкает, относя мое возбуждение на свой счет. И тут же, на правах старой знакомой, прижи-

мается всем своим длинным телом, елозит по мне бедрами, а потом чмокает меня в губы и томно просит принести ей коктейль. Кажется, на сегодня она меня застолбила. Да и похуй. Мне они все не особо нравятся, так что пусть будет Лиза.

Рыжую Элю, которая обманчиво скромно хлопает наращенными ресницами, забирает себе Влад. Ему еще больше похуй, чем мне. Кажется, бабы его интересуют чисто для того, чтобы слить напряжение, а любит он только свой чертов хоккей. Из нас троих он самый мрачный и молчаливый, и девчонки его немного побаиваются.

Но эта рыжая вроде норм, тут же пристраивается к нему и хищно обхватывает яркими губами соломинку коктейля, будто показывая, на что способна.

Мы чокаемся стаканами и пьем за хороший вечер. У Ника лонгайленд, у меня односолодовый виски, и только один Влад выбивается со своим безалкогольным пивом.

– Давай один коктейль, а? Ну ром с колой хотя бы, – подбивает его Ник. – А то пьешь эту бурду и мучаешься.

– Яворский, отвянь, – тяжело роняет он. – Я на сборы уезжаю послезавтра. Мне ни капли нельзя.

– Оу, ты спортсмен, да? – рыжая Эля восхищенно разглядывает его мощный торс и трогает наманикюренным пальчиком край татуировки, уходящей под ворот футболки.

– Ну.

– А какой вид спорта? Может, пловец? У тебя тааакие плечи, – хихикает она.

– Хоккей, – говорит Влад с таким видом, что девочка умолкает и тему эту больше не продолжает.

Но тут начинает пиздеть Ник – обо всем и ни о чем – и все расслабляются. Я пью много. Больше, чем обычно, потому что на трезвую голову не смогу трахать эту чертову брюнетку. Как ее? А, да. Лиза. Точно.

Музыка уже довольно громкая, на сцене бара играет приглашенная группа, и Лиза приближает губы к моему уху, чтобы я ее услышал:

– К тебе?

Мотаю головой. Она забыла, наверное. Я к себе никого не вожу. Моя дом – это моя территория, никаких девок там не будет. Можно и к ней, конечно, но еще лучше квартира посуточно. Ник сразу, как мы с ним познакомились, порекомендовал этот сервис: не вонючие каморки, а классные элитные хаты, которые вычищают после каждого клиента и там можно хоть с пола есть – так там все чисто и практически стерильно. Мне подходит. Захожу к ним в приложение, бронирую квартиру на вечер и показываю адрес Лизе. Она кивает. Вот и договорились!

А чего мне будет стоять ночь с ней, узнаем утром. Модельки наши себя шалавами не считают и в прямую бабло не берут. Всегда это хитровыебанно: ой мне на арендную плату не хватает или ах какое платье в максмара видела. Ну и платишь, чё. За все надо платить – это логично и понятно.

И когда мы уже в целом готовы расходиться по хатам,

вдруг подрывается Ник.

– Мне надо уехать, – говорит он, и на его лице непривычно серьезное выражение. – Соболев, держи, там должно хватить с запасом.

В меня летит его карточка, я ее на автомате ловлю и поднимаю бровь.

– Помочь? Что-то серьезное?

– Нет. Я сам.

Хватает куртку и, даже не попрощавшись, сваливает. Мы с Владом переглядываемся. Восточная красавица, которую так внезапно кинули, уже открывает рот, чтобы что-то нам высказать, но я ее опережаю:

– Так, спокойно. Компенсируем тебе вечер. Но давай только без всяких этих ваших «я не такая». Не ломайся и нормально скажи, сколько надо.

– Двадцать, – не моргнув глазом, отвечает она.

Мы рассчитываемся с девчонкой, потом я оплачиваю счет, оставляю щедрые чаевые сверху, хлопаю Влада по плечу, и мы разъезжаемся каждый со своей моделькой. Лиза уже в такси пытается присосаться к моим губам, но я отстраняю.

– Потом.

А потом уже в квартире говорю ей: «Без обид, но сегодня не целуюсь». Она дует губы, но кивает. Выхожу из душа и вижу, как она голая томно стоит у зеркала, соблазнительно выгнув спину. Раньше у меня бы встало от одного этого вида, но сейчас нет. И я заваливаю ее на кровать, подминаю под

себя, зажмуриваюсь – и в моих мыслях детка. Нежная, трепетная и сладкая. Я трахаю не ее – я в курсе. Я не настолько debil. Под ладонями тонкое костлявое тело, а в ушах чужие нарочито громкие стоны. Но глаза я все равно не открываю. Так проще.

– Ты зверь, Соболевский, – мурлычет мне в ухо Лиза, после того, как ее выгибает в оргазме. Кажется, даже непри-
творном. – Долбаная секс-машина. Покуришь и продол-
жим? Как в прошлый раз?

Мне противно.

– Я пас, – бросаю ей, а сам думаю, что надо вызвать ей и себе такси и поехать по домам. Трахаться в этих хатах – норм, но ночевать хочется в своей кровати. И я обязательно встану и начну одеваться, но сначала чуть-чуть полежу, потому что туман от отличного виски расплывается в голове и так хочется закрыть глаза...

Я закрываю.

И открываю их уже утром. Под боком похрапывает голая Лиза, а в дверь стучат.

Глава 5. Трудовые будни

Форма, в которой надо было убирать квартиру, оказывается мне мала. Но это я понимаю только в тот момент, когда переодеваюсь в подсобном помещении этой элитной высотки, взяв ключи у консьержки. Рубашка туго натягивается на груди, а брюки, которые должны были быть свободными, так туго обтягивают попу и ноги, что наклоняться в них будет непросто. Но что делать? Попробую как-то справиться. Хорошо хоть сменная обувь у меня своя, и в ней мне удобно.

Я беру в этой же подсобке тележку, проверяю по списку все моющие средства, и везу ее к лифту. Пока еду на десятый этаж, мысленно прокручиваю в голове порядок своих действий: постучаться в квартиру, убедиться в отсутствии гостей, войти внутрь, оставить тележку перед дверью, включить везде свет, открыть окна для проветривания, сменить постельное белье, заправить кровать, затем протереть мебель, зеркала – двигаться по часовой стрелке...

Ох. Как все сложно. Убираться дома гораздо проще.

Я стучусь в дверь. Жду. Потом стучусь еще раз. На всякий случай, потому что так положено. Та девушка, которой меня перепоручила Рита, объяснила мне, что хотя квартира формально снимается на сутки, по факту гости там проводят несколько часов. А иногда и того меньше. В приложении обычно отмечается, до какого часа планирует пробыть

гость. В примечаниях к этой квартире было написано, что до трех ночи, так что я с чистой совестью приезжаю на уборку к шести утра. Мне ведь надо будет после работы еще на пары успеть! Какой смысл в том, что я собираю деньги для оплаты учебы, если я на эту самую учёбу не буду ходить?

В ответ на мой стук тишина, как и ожидалось. Но я на всякий случай делаю контрольный и кроме стука еще кричу:
– Уборка квартиры!

Ну как кричу. Просто говорю чуть громче обычного, потому что все же на часах шесть утра, а люди по соседству наверняка спят. В любом случае ответа я не получаю, поэтому спокойно открываю дверь своим ключом, оставляю у входа тележку, включаю свет и вздрагиваю: на полу обувь. Мужские мокасины и женские шпильки. И в этот же момент понимаю, что в ванной, вход в которую справа от меня, шумит вода. Гости еще в квартире?! Но почему? Их же не должно тут быть?

– Уборка квартиры, – говорю я придушенным голосом и, словно партизан из окопа, осторожно выглядываю из-за угла в комнату. И там меня ждет новый повод для шока – абсолютно голая красавица, которая стоит у зеркала и флегматично раздирает расческой свои длинные черные волосы.

– Уборка квартиры, – механически повторяю я, изо всех сил стараясь на нее не смотреть. – Было написано, что вы уже съедете, поэтому я пришла... а вы...

По правилам я должна извиниться и уйти, а убраться толь-

ко тогда, когда гости уйдут, но блин! Тогда я не успею в универ!

Поэтому я все еще тут и ужасно надеюсь, что ситуация как-то разрешится в мою пользу. И, кажется, мне везет.

— Да мы уснули, — вдруг по-свойски говорит мне красавица. — Этот придурок набухался и вырубился. А я куда пойду? Он же еще не запла... в общем, пришлось тоже тут остаться. Ты короче начинай, не обращай внимания. Мы сейчас уже уедем.

— Хорошо, — радуюсь я.

Решаю окно пока не открывать, чтобы не заморозить голую красотку, и начинаю снимать постельное белье с кровати. От него несет какими-то мерзкими сладкими духами. Черт, как надо было облить себя парфюмом, чтобы даже кровать после тебя так пахла?

Сдергиваю простыню с матраса, и на пол падает надорванный квадратик фольги. Даже мне ясно, что это, хоть и чисто теоретически. Поднимаю эту бумажку, и меня скручивает одновременно стыдом и отвращением. Я вдруг думаю, насколько по силам мне эта работа. Здесь еще на первый взгляд все прилично, а если в квартире будет валяться не просто упаковка, а использованный презерватив? Или еще что похуже?

Начинаю перестилать кровать, морщась от того, как узкие штаны впиваются в мою попу, а еще краем глаза наблюдаю за тем, как красотка дефилирует по квартире уже в белье:

черное, кружевное, оно смотрится на ее идеальном теле так, что меня немного берет зависть.

Слышу, как выключается вода в душе, распахивается дверь, а эта девушка вдруг весело кричит тому, кто там только что мылся:

– Тимур, прикройся хотя бы полотенцем! Тут уборщица.

Это нормально, что от имени «Тимур» меня насквозь пронизывает страхом и еще чем-то, чему сложно найти название? Я закусываю губы, расправляя складки на простыни, и думаю, мало ли в нашем городе Тимуров. Думаю так секунды три, ровно до тех пор, пока не слышу низкий хриплый голос, который безошибочно узнаю. Соболевский.

Черт. Чертчертчертчерт...

– Бля, ты почему еще в трусах? – грубо спрашивает он. – Мне ехать надо.

– Ну ты-то вообще без трусов, – хихикает она, и я вяло удивляюсь, как резко поменялся ее голос. Со мной она говорила спокойно, уверенно, приятным естественным тембром, а тут подобострастно пищит и манерно тянет гласные.

– Я за минуту оденусь, а ты нет. Давай, Лиза, блин, шевелись. Я не планировал тут ночевать.

– Сам же вырубился, а на меня ругаешься! – говорит она тоном обиженной маленькой девочки.

– Лиза!

– Поняла, поняла. И это... знаешь, я тут про такую новую косметологическую процедуру узнала, эффект обалденный.

Жаль, что дорогая! – она картинно вздыхает.

– Сколько?

Я не слышу ее ответа, она говорит слишком тихо, но слышу, как Тимур цедит:

– Отправлю тебе на карту. А теперь одевайся, если хочешь со мной в такси поехать.

У меня трясутся руки, когда я меняю наволочки на подушках, потому что слышу его шаги за спиной. Он входит в комнату.

– День добрый, – буркает он. Видимо, мне. То есть моей спине.

Я мычу что-то неопределённое и с ужасом думаю, что мне ведь рано или поздно придется повернуться. Но я не могу. Интересно, а может быть такое, что они быстро уедут? И насколько нормально, что я стою над уже заправленной кроватью и делаю вид, что ужасно занята? Черт, и почему так сильно давят эти ужасные штаны?

Слышу, как падает на пол полотенце, как звенит пряжка на ремне. Наклоняю голову еще ниже, чтобы он меня ни в коем случае не узнал. «Уезжай, уезжай», – мысленно твержу я, но тут он сам идет ко мне.

– За беспокойство, – лаконично говорит Соболевский и кладет на тумбочку тысячную купюру. В этот момент я машинально чуть поворачиваю голову на его голос, и наши взгляды встречаются.

Пауза.

– Ты? – выдыхает он неверяще, но тут же рывкает: – Ты! Какого хрена! Что ты тут, твою мать, делаешь?

– Я здесь работаю, – говорю я с достоинством, но глаза не поднимаю. Потому что Соболевский хоть и натянул штаны, но выше пояса он по-прежнему голый, и смотреть на его грудь с рельефными, красиво очерченными мышцами я не буду! И на эти капельки воды на смуглой коже тоже не буду.

Не буду, говорю! Во-первых, это невежливо, а во-вторых – мне совсем неинтересно. Всё, не смотрю, не смотрю, не смотрю.

Я усилием воли заставляю себя рассматривать идеально заправленную кровать, но взгляд все равно автоматически соскальзывает на торс Соболевского, как будто мне там медом намазано. Черт, хоть зажмуривайся!

– В смысле, блядь, ты тут работаешь? – зло переспрашивает Соболевский, хватая меня за руку и заставляет повернуться к нему.

– В прямом! – я машинально вдыхаю терпкий свежий запах влажной кожи. Очень мужской запах. Приятный. Смущающий меня еще больше, чем его голый торс.

– Детка, но ты же не всерьез? – скалится он. – Проступила кому-то, признавайся?

– Не ваше дело, – я старательно держу дистанцию через вежливое «вы». Потому что я на работе, он клиент, и мне нельзя ругать его последними словами, даже если хочется.

– Мое дело! – упрямо говорит он.

– Ваше дело вот там стоит, – с неожиданной язвительностью говорю я и кидаю красноречивый взгляд на его девушку, с которой он вообще-то ночь провел. Еще и заплатил ей за это. Какая это все-таки мерзость!

Я дергаю руку, чтобы вырваться, но безуспешно. Хватка у Соболевского стальная.

– Отпустите меня, – шиплю ему, – и не мешайте мне, пожалуйста, выполнять свою работу.

– Нет, не отпущу. И никуда ты, бля, не пойдешь, пока не объяснишь все нормально.

– Тимур! – возмущённо подает голос красotka. Она уже успела надеть на себя платье, в котором выглядит еще более голой, чем без него. – Что происходит? Я ничего не понимаю! Ты что, знаешь эту уборщицу? Она украла у тебя что-то? Давай полицию вызовем!

Соболевский оглядывается на нее с таким видом, будто только сейчас вспомнил о ее существовании.

– Рот закрой, – цедит он. – И какого хрена ты тут еще, я не понял?

– Мы же хотели вместе с тобой поехать, – уже не так уверенно говорит красавица. – Нам ведь в одну сторону.

– Я передумал. Давай сама.

– Ты офигел, Тимур? Сначала уснул тут, пьяный, потом еще так со мной разговариваешь! Такси мне вызови хотя бы! – требует она капризно.

– Лиза, – говорит он с такой отчётливой угрозой, что та

вздрагивает. И, судя по ее вытянувшемуся лицу, понимает, что выбрала неверную стратегию. – Ты, кажется, меня с кем-то спутала. Командовать мной не надо, поняла? Сама вызовешь тачку, не переломишься. Я тебе достаточно бабла скинул. С запасом.

– Ну и козел же ты, Соболевский, – зло говорит она. – И почему я только с тобой поехала, а?

– Потому что косметология и прочая херня сама себя не оплатит? – хмыкает он цинично.

– Да пошел ты! – на идеальных скулах вспыхивают некрасивые алые пятна. – Пусть в следующий раз вот эта тупая уборщица в своих зассанных тряпках перед тобой ноги раздвигает, понял? А я не буду!

Ее злое оскорбление неожиданно меня задевает. И не просто задевает, а входит в сердце так глубоко, словно осколок острого стекла. В груди становится больно, а из глаз сами собой, точно кнопку кто-то нажал, льются слезы. Горячие капли текут по щекам, и я закусываю губу, пытаюсь их остановить.

Почему так до ужаса обидно? Может, потому, что вначале эта девушка показалась мне нормальной и даже приятной? Она так по-человечески со мной разговаривала, что я совсем не чувствовала свою работу унижительной. А сейчас чувствую. И себя ощущаю какой-то бомжихой. Человеком низшего сорта.

– Подошла и извинилась, – резко говорит Соболевский. И

вот такого тона я у него ещё ни разу не слышала.

– Чего? – фыркает она. – Вот я ещё перед обслугой не извинялась! Может, мне ещё на колени перед ней встать?

– Надо будет – встанешь, – тяжело роняет он и, кажется, не шутит. – Подошла, блядь, и извинилась.

– Или что? – воинственно интересуется она.

– Или больше никогда не найдёшь работу в этом городе. Ни в каком качестве. Даже сортиры мыть.

– Ах ты су...

– Я жду, – напоминает Соболевский. Бросает непроницаемый взгляд на меня и добавляет: – Мы ждем.

Мне от всего этого ужаса хочется провалиться сквозь землю. Вот почему так? Некрасиво повела себя она, а стыдно почему-то мне? И не нужны мне ее лживые неискренние слова прощения, вот правда. Лучшим извинением будет, если она свалит. И желательно с Соболевским под ручку. А я спокойно доделаю уборку, переоденусь и поеду на учебу.

– Ну! – Он, кажется, уже теряет терпение. А та, с которой он сегодня спал (почему мне неприятно об этом думать?) медленно приближается ко мне, будто идет на казнь. Вот такая – с перекошенным от злости лицом – она уже не выглядит красоткой. Скорее ведьмой из сказки.

Наконец она оказывается около меня и быстро, сквозь зубы, бормочет:

– Извини.

– Ничего страшного, – неловко отвечаю я.

– Хочешь, чтобы она встала на колени? – спокойно интересуется у меня Соболевский.

Я отчаянно мотаю головой. Нет! Ни в коем случае! Ненавижу чужое унижение.

– Ну и зря, – мрачно говорит он. – Она бы тебя поставила. Злее надо быть, детка. Ты пожалеешь, а вот тебя саму жалеть никто не станет.

Я никак на это не отвечаю. Девушка вообще пропускает эти слова мимо ушей.

– Всё? Доволен? – зло спрашивает она у Соболевского.

– Нет, – лениво говорит он и посылает ей неприятную ухмылку. – Но ты можешь идти.

Она бросает на него острый ненавидящий взгляд, хватается за сумку и идёт в коридор с видом оскорбленной невинности. Стук шпилек по плитке, а потом оглушительный грохот закрывшейся двери. Она так ею хлопнула, что я не удивлюсь, если штукатурка с потолка посыпалась.

– А вот теперь, – мягко говорит Соболевский, но в его голосе звучат хищные, опасные нотки, – поговорим без свидетелей. Правда, детка?

Глава 6. Отпусти меня

Соболевский смотрит на меня требовательно, тяжело, а его рука все еще сжимает мое запястье. Слишком крепко сжимает – у меня так синяки останутся.

Я тяну на себя руку и тихо говорю:

– Пусти, мне больно.

После секундной паузы он разжимает пальцы. Надо же, послушался. Но радость моя не длится долго, потому что Соболевский тут же бесцеремонно хватает меня за плечи и подтаскивает ближе. Его тяжелые ладони обжигают даже сквозь ткань рубашки, и я ужасно злюсь от того, что он снова так близко. Ему вообще знакомо понятие о личном пространстве?

– Детка, я ещё раз спрашиваю: что происходит? – с тихой угрозой говорит он. – Какого хера ты тут забыла? Да еще в таком виде?

– Я. Тут. Работаю, – чеканю я каждое слово. – Что непонятного? И кроме того, я вообще не понимаю, почему должна перед тобой отчитываться.

Судя по его взгляду, до него наконец доходит, что это все не шутка и не розыгрыш. И реакция меня пугает.

– Ты с дуба рухнула? Какая нахрен работа? – рычит Соболевский. – Серьезно? Полы мыть и унитазы драить?

– Любая работа достойна уважения, – говорю я с преуве-

личенной бодростью. – Должен же кто-то и это делать.

– Кто-то должен, но не ты, блядь! Ты-то здесь при чем?! – он уже в ярости и сам не замечает, как сжимает пальцы сильнее и они буквально впиваются в мои плечи. – Ты с жиру бесишься или как? Иди лучше учись.

– Мне нужны деньги.

– Нахера?

Я горько смеюсь. Черт, ну вот правда, это уже просто-напросто смешно. Действительно, зачем человеку деньги? Только тот, кто всю жизнь жил в роскоши и никогда не имел проблем с деньгами, может такое спросить.

– Мне на карманные расходы не хватает. На шмотки и на косметику, как этой твоей, – вызывающе говорю ему. – А так как проституция меня не интересует, пришлось искать другие варианты. Вот взяла себе по утрам подработку! Понял?

– Охуенно, чо, – фыркает он и слегка встряхивает меня, будто пытаюсь привести в чувство. – Детка, а твои родители вообще в курсах, что ты по утрам отмываешь хаты, которые сдаются посуточно для ебли? Может, лучше ты у них просто попросишь давать тебе больше денег, а? На оплату универа они же наскребли тебе как-то бабла.

– На учебу да, – глухо говорю я, стараясь не показать, что он случайно попал в самое больное. Мне не хочется говорить ему правду. – А на лишние расходы у нас денег нет. И я не желаю это больше обсуждать, понял? Мне вообще-то работать надо. Я и так столько времени потеряла из-за тебя.

– Я компенсирую, – усмехается он. Снимает одну руку с моего плеча, лезет в задний карман джинсов и вытаскивает черное кожаное портмоне. – Сколько стоит твой час, детка?

– Ты меня, кажется, спутал со своей проституткой, – резко говорю я. – Не надо мне твоих денег, понял? Я не продаюсь.

– Все продается и все покупается, – спокойно возражает Соболевский. И, кажется, он действительно в это верит. – Лиза, к примеру, продает свое тело и свою внешность. А ты сейчас вот на этой отстойной работе продаешь свое время, а ещё продаёшь свою гордость и самоуважение. И, кстати, по какому курсу? Сколько тебе платят?

– Достаточно! – с вызовом отвечаю я, а сама в этот момент с ужасом понимаю, что даже не подумала спросить, сколько получу за эту работу. Меня даже по договору не оформляли, сказали, что наличкой в офисе заплатят. И остается надеяться, что не обманут и что оплата за работу будет достойной.

– Я в любом случае дам больше, – нагло ухмыляется Соболевский. – Только попроси.

– Ты же не за просто так это собираешься делать, – тихо говорю я.

– Конечно, нет. Я плачу, значит, планирую что-то получить, – и он уже знакомым мне жестом притягивает меня к себе, буквально впечатывая лицом в свой торс.

Его обнаженная грудь прямо у меня под щекой – твердая, сильная, горячая. Мне это не может нравиться. Нет, конечно, мне это не нравится. Я отстраняюсь и изо всех сил пытаюсь

вырваться.

Вот только приводит это к еще большему кошмару, потому что я слишком резко дергаю плечами. Из-за этого тесная узкая рубашка слишком сильно натягивается на груди, и верхние пуговицы с резким звуком рвущейся нитки отлетают от нее. Рубашка расходится в стороны, открывая взгляду Соболевского мой наивный белый лифчик и ложбинку между грудей.

– Ух ты, – хрипло говорит он, нагло туда пялясь. – Демонстрация? Перед оплатой? Мне нравится.

Я пытаюсь прикрыться, но он не дает. Хватает меня за руки, а сам вдруг наклоняется к моей груди и проводит языком влажную дорожку прямо по этой ложбинке. А потом... потом сжимает губами мой сосок через белую хлопковую ткань лифчика.

Я вздрагиваю, от этого влажного, наглого, неприличного касания по моему телу вдруг прокатывается сладкая волна совершенно нового, остро-сладкого ощущения. И я издаю короткий то ли стон, ли то вздох.

– Детка, – хрипло рычит Соболевский. – Детка, блядь...

Сделав шаг, он неожиданно роняет меня на кровать, а сам приземляется сверху. И вот тут мне становится страшно.

Он большой, сильный, тяжелый, у него темный безумный взгляд, его руки не дают мне свободы, его губы жадно впииваются в мои, а я мотаю головой, пытаюсь сопротивляться. Неужели он хочет меня сейчас взять силой? На той же крова-

ти, на которой несколько часов назад имел эту проститутку?

– Нет. Нет! Нет!!!

Я рыдаю не столько от страха, сколько от унижения.

– Пожалуйста, нет!

И вдруг он замирает. В темном взгляде появляется осмысленность. Он медленно облизывает губы, а потом смотрит на меня.

– Прости, детка, – шепчет он.

Его жесткие горячие пальцы неожиданно касаются моего заплаканного лица. Соболевский осторожно проводит подушечкой пальца по моей щеке, стирая слезы, но я дергаюсь.

– Не трогай меня! Не трогай!

– Тебе же понравилось, когда я тебя потрогал. Вот тут. – И пальцы касаются влажного пятна на моем лифчике. Там, где были его губы.

– Нет! – отчаянно вру я, хотя с ужасом понимаю, что он прав. Мне... кажется, мне и правда понравилось. Боже мой, я и не знала, что я настолько испорченная. – Уходи! Уходи отсюда! Ты ведешь себя как животное!

Соболевский садится на кровати и с силой трет лицо руками, а я вскакиваю и бегу в противоположную часть комнаты. Подальше от него.

– Пиздец, – хрипло говорит он сам себе. – Какой же это все пиздец.

Потом достает портмоне, вытаскивает из него купюры и швыряет их на тумбочку. Я даже отсюда вижу, что это ты-

сячные бумажки. И их явно больше двух.

— Я не возьму, — пишу я.

— Значит, выкинешь. Мне похуй.

Он хватает свою кожаную куртку, накидывает ее прямо на голое тело и идет в коридор. Через несколько секунд громко хлопает дверь.

Футболка Соболевского осталась валяться скомканной в углу. На тумбочке остались брошенные им деньги. Десять тысяч, я посчитала.

У меня рука не поднимется их выкинуть. Беру их, и это тоже ужасно унижительно.

Какое-то время плачу, свернувшись клубочком на полу, а потом вытираю рукавом слезы, вздыхаю и иду убираться. Кажется, на первую пару я все-таки сегодня опоздаю. ***

Я вбегаю в универ в отвратительном настроении. Во-первых, ужасно опаздываю. Половина пары по экономической теории прошла без меня, и это ужасно! Во-вторых, я очень устала. Квартиру я отмыла на совесть, и теперь у меня ломит спину, словно я столетняя бабка, и жутко ноют плечи и руки. А еще кажется, что от моих ладошек до сих пор воняет резиновыми перчатками, хотя я раз десять помыла руки с мылом и намазала их кремом.

А в-третьих (как будто мало было первых двух!) мне жгут карман деньги Соболевского, которые я все-таки хочу вернуть ему, но не знаю как.

А ведь есть еще и в-четвертых, вот только оно настолько стыдное, что я пытаюсь об этом не думать, но не получается. Невозможно не думать о том, что в моей сумке лежит футболка Соболевского. Я хотела ее выкинуть. Я хотела вымыть ей унитаза. Я хотела порвать ее на части и сделать тряпку для пола. Но не смогла. Наверное, это какая-то психологическая особенность, может, травма какая-то или простая бережливость, но я не могу портить хорошую вещь. Так же, как я не умею выкидывать еду.

И вот она у меня в сумке. Белая, мягкая, с логотипом Армани, пахнущая кожей, одеколоном и его сигаретами. И я не знаю, что более стыдно: отдать ее Соболевскому и услышать его пошлый комментарий по этому поводу, или оставить себе.

– Оля!

О черт. Это ж надо так неудачно напороться.

– Здравствуйте, Ираида Ивановна, – я виновато смотрю на декана. – Честное слово, я больше не буду опаздывать. Я просто...

Но она только отмахивается, кажется, ее сейчас это не волнует.

– Ты решила вопрос с оплатой? – спрашивает она озабоченно. – Мне опять звонили из бухгалтерии. Деньги не поступали.

Деньги, эти проклятые деньги, которых у меня нет! В кармане, конечно, лежат десять тысяч рублей, но они чужие. Я

их верну. Своих же денег у меня с собой ни рубля. Даже на булочку или на чай. И еду я из дома тоже не взяла, слишком торопилась.

Но перспектива голодать весь день меня сейчас совсем не пугает. Пугает то, что у меня нет ответа на вопрос декана. Вернее, есть. Но он ей не понравится.

– Папа неверно оформил платеж, – неуклюже вру я. – Он сейчас решает проблемы с банком, чтобы его вернули, и тогда мы оплатим.

– У тебя неделя, Оля, – она хмурит брови и тут же сама себя поправляет. – Нет, даже меньше. К понедельнику деньги должны быть на счету университета, значит, отправить их надо не позже пятницы.

– А если позже? – дрогнувшим голосом спрашиваю я.

Ираида Ивановна разводит руками. И вдруг обеспокоенно смотрит на меня:

– Ты какая-то бледненькая, – говорит она и пытливо смотрит на меня. – Оля, ты хорошо себя чувствуешь? Голова не кружится? Не тошнит?

– Да. Нет. Нет.

– Может, в медпункт?

– Нет! Вы что! – пугаюсь я. – Я в порядке! Я на лекцию сейчас пойду.

– Да какая лекция, на тебе вон лица нет. – качает она головой. – Иди лучше в столовую, выпей крепкого сладкого чаю и съешь что-нибудь вкусное, У вас сейчас кто?

– Мистер Хьюз.

– Тогда тем более лучше к нему не входить на середине лекции, – советует мне декан. – Ему это очень не нравится. Лучше иди поешь. Пойдем, я провожу тебя – мне как раз тоже в ту сторону.

Я не знаю, как отказаться. Я не знаю, как объяснить, что я не голодна. Тем более, что я очень голодна. И уж точно не знаю, как признаться, что у меня нет денег. Я нищая. Нищая студентка самого дорогого в городе вуза. Смешно! Просто обхохочешься!

Ираида Ивановна провожает меня до самых дверей столовой, а потом еще бдительно следит, чтобы я зашла внутрь и подошла к кассе. И только потом машет мне рукой, улыбается и уходит.

Мне нельзя уходить сразу, надо подождать. Поэтому я стою и смотрю на витрину, пытаюсь не захлебнуться слюной. Там выставлены какие-то невероятные пирожные с ягодами и взбитыми сливками, нарезан аккуратными треугольниками французский киш с лососем и шпинатом, горкой сложены на блюде крохотные золотистые пирожки с сыром и грибами. А еще этот запах... С кухни пахнет едой. Очень вкусной и аппетитной едой, и я даже не могу понять, чем именно, потому что у меня от этого запаха мутится в голове.

– Добрый день, – улыбается мне девушка на кассе. Эта девушка выглядит в разы лучше меня. У нее аккуратный маникюр, длинные ухоженные пальцы, от нее приятно пахнет

хорошими духами, и я суетливо прячу свои руки в карманы, краснея при мысли, что кассир может почувствовать от меня запах резиновых перчаток. Дешевых, толстых и вонючих резиновых перчаток.

– Что будете брать? – продолжает она улыбаться.

– Я... не знаю, – смущенно бормочу я. И хочу добавить, что скорее всего ничего не буду, извиниться и уйти, но она не дает мне этого сделать.

– Пирожки сегодня очень вкусные, – энергично говорит она. – И к ним можно крем-суп из шампиньонов, повар как раз недавно сварил.

О боже, так вот чем так вкусно пахнет!

– Я не голодна, – лепечу я. – Я просто...

– Тогда капучино и корзиночка с малиной? – предлагает она, заговорщицки подмигивая. – На сладкое в желудке всегда найдется место, правда?

Кажется, она всерьез намерена мне что-то продать. А мне настолько плохо, что я, кажется, сейчас разревусь от мучительной рези в желудке, который буквально скручивается от голода, и от невыносимой унизости ситуации.

«Я отучусь и буду зарабатывать много денег», – обещаю я себе яростно. – «И я никогда, никогда в жизни не буду больше стоять и умирать от голода рядом с едой, просто потому что не могу ее купить».

– Простите, – криво улыбаюсь я. – У меня диета. Сама не знаю, зачем зашла. Просто посмотреть, наверное...

– Ну разве нужна диета такой красивой детке? – вдруг слышу я громкий знакомый голос и поворачиваю голову.

Соболевский. Черт бы его побрал. Следит за мной, что ли?

Он чисто выбрит, на нем свежая футболка, другие джинсы и другая обувь. Он явно заехал домой переодеться. Он сияет своей сногшибательной улыбкой, но глаза у него темные. Злые.

Соболевский подходит ко мне, небрежно обнимает за талию и прижимает к себе так, что и не пошевелиться. А я настолько шалею от такой наглости, что только глазами хлопаю.

– Дашуля, мне черный кофе, – развязно говорит он.

– Без сахара и молока, правда? – с готовностью спрашивает она, с таким обожанием глядя на него, что, кажется, завила бы сейчас хвостиком, если бы он у нее был.

– Точно, – он опять ослепительно улыбается. – А детке капучино, суп, салат, второе и десерт. Тебе какой, малыш?

– Выбирайте, я пока кофе сделаю, – девушка уходит к кофемашине, а я яростно шепчу Соболевскому:

– Мне ничего не надо! Я не буду есть!

– Будешь, – хладнокровно говорит он. – Готов поспорить, ты еще ничего сегодня не ела.

– Ела!

И тут мой желудок предательски бурчит. Я краснею.

– Я не буду есть, понял?

У кассы в огромной вазе со льдом лежат маленькие бутыл-

лочки с водой. Бесплатные.

Соболевский, надёжно удерживая меня одной рукой, другой берет бутылку, ловко скручивает крышку и подносит ее к моей шее, так что я кожей чувствую холодный твёрдый пластик.

– Или ты будешь есть, или вся эта вода сейчас выльется на тебя, – опасно шепчет он мне на ухо. – А мокрые белые блузки становятся прозрачными, ты в курсе?

– Ты сволочь, – бессильно говорю я. – Мудак.

– Скажи что-то новое, детка, чего я не знаю. Неприятно ходить в мокром, верно? А переодеться тебе не во что.

На самом деле есть. В сумке лежит его футболка. Но я лучше пройдусь голой по корпусу, чем надену ее.

– Детка? – он чуть наклоняет бутылку: ледяная капля стекает по моему позвоночнику, блузка моментально намокает в этом месте и липнет к спине.

– Да, – с ненавистью говорю я.

– Что «да»? – ласково спрашивает Соболевский, так явно наслаждаясь моей беспомощностью, что хочется его убить.

– Да, я буду есть, – я буквально выплевываю эти слова ему в лицо, и он ухмыляется.

– Вот видишь, как просто. Это тебе урок, детка. Не стоит со мной спорить. Все будет так, как я хочу. Рано или поздно.

Глава 7. Его проблемы и мои проблемы

Сначала я думаю, что под пристальным взглядом Соболевского мне будет неловко есть, а потом сажусь за стол, вижу всю эту вкусноту и понимаю: я такая голодная, что мне, видимо, все равно.

Я съедаю суп, салат и даже кусочек овощного гратена с запеченным лососем, а остальное отодвигаю в сторону.

– Ешь, – требует Соколовский.

– Я наелась.

– Опять врешь?

– Честно.

– Десерт? – он кивает на тирамису, украшенное клубникой.

– Не хочу, спасибо.

Но Соболевский, прищутив свои темные глаза, вдруг берет одну ягоду, обмакивает ее в крем и подносит к моему рту. Я плотно сжимаю губы, и тогда он просто медленно ведет по их контуру, пачкая меня сладким кремом.

– Открывай ротик, детка.

Я мотаю головой.

– Детка, мы же, кажется, уже договорились, что со мной не надо спорить. Кто тут главный?

Я возмущенно приоткрываю рот, чтобы возразить, и в этот момент он ловко проталкивает ягоду между моих губ.

Глупо будет, если я ее выплюну, да? Тем более что она какая-то невероятно сладкая и пахнет обалденно.

– Вкусно? – Соболевский смотрит на меня так, будто я сама десерт, который он готов сожрать.

– Д-да, – почему-то шепотом говорю я.

Между нами повисает молчание, но оно не пустое и безразличное, а плотное, наэлектризованное, словно воздух перед грозой.

– Спасибо, но мне... мне идти надо, – вскакиваю я, потому что не могу уже этого вынести. – Куда опять? – хмурится он. – Еще не везде полы помыла?

Я закусываю губу от внезапного укола обиды. Это было грубо. Грубо и некрасиво.

Но я не собираюсь показывать Соболевскому, что он меня задел, поэтому говорю максимально сдержанно и спокойно:

– Мне на занятия надо. Я тут учусь вообще-то, – не удерживаюсь и добавляю язвительно: – В отличие от некоторых!

– Да, да, ты у нас вся такая хорошая девочка, – ухмыляется Соболевский. – А правда, что хорошим девочкам нравятся плохие парни, а, детка?

– Нет, – говорю я резко. – Так только в книжках бывает.

– Оу, детка, какие ты книжки интересные читаешь! – смеется он хрипло. – Расскажешь?

– Неправда! – протестую я. – Я такое не читаю!

– Да ладно? А откуда тогда знаешь? – продолжает он веселиться.

– Все, хватит. Мне пора, – я хватаю сумку и собираюсь идти.

Соболевский тут же поднимается из-за стола.

– Окей, – кивает он. – Пошли, провожу тебя.

Черт! Ну что он никак не отстанет, а?

Как-то слишком много Соболевского в моей жизни в последнее время. И слишком много проблем от него. Мне нужно собраться с мыслями и понять, где взять денег, а рядом с ним я вообще не могу нормально думать. Он ужасно отвлекает.

Мы идем по коридору. Обычно здесь всегда много народу, но сейчас все на лекциях, и, кроме нас двоих, никого тут нет. И я даже не успеваю подумать о том, чем это может мне грозить, потому что Соболевский вдруг останавливается, хватается меня и теснит к стене, пока я не оказываюсь зажата с одной стороны стеной, а с другой – его телом.

– Отпусти!

– Не могу, детка, – с сожалением говорит он, наклоняется и проводит носом по моей шее, жадно вдыхая мой запах. – Меня на тебе заклинило. Ничего, блядь, делать не могу. Одна ты в голове.

Я удивленно замираю и смотрю на него неверящим взглядом: Соболевский в меня влюбился? Разве такие, как он, могут влюбляться?

Но дальнейшие его слова тут же показывают, как все есть на самом деле.

– Хочу тебя. Дико хочу. И чем больше ты хвостом крутишь, тем больше хочу. Все время думаю о том, как возьму тебя, – горячо шепчет он. – Закину твои стройные ножки к себе на плечи и трахну. А ты будешь стонать подо мной и кусать свои красивые губки. Бля, твои губы это отдельный пиздец... Постоянно представляю, как ты мне отсасываешь.

– Прекрати! – я бью его ладошками по груди, по лицу и едва не плачу. – Как ты можешь вот так спокойно стоять и говорить мне такую грязь! Я не хочу, не хочу это слушать! Это твои проблемы, что ты такой испорченный!

– Нет, детка, – говорит он жестко и перехватывает мои запястья. Взгляд у него пугающий. – Ты ошибаешься. Теперь это наша общая проблема.

Эти слова становятся последней каплей. Я больше не могу молчать.

– Проблемы?! – яростно говорю ему, и он, кажется, даже немного теряется от моего напора. – Ты правда считаешь, что у тебя проблемы, Соболевский? Какие? То, что ты хочешь меня поиметь, а я против? Да ты просто с жиру бесишься! Хочешь я расскажу тебе, что такое настоящие проблемы?

– Ну? – поднимает он иронично бровь. А меня продолжает нести.

– Меня отчислят, если я до пятницы не оплачу этот семестр? И я навсегда потеряю шанс на то, чтобы выбраться

из того болота, в котором живу. А я не оплачу, потому что у моих родителей нет денег. Вот что такое настоящие проблемы, Соболевский! Но тебе этого никогда не понять.

Я умолкаю, чувствуя, как бешено колотится в груди сердце. Черт, ну вот зачем я ему это рассказала? Ему ведь все равно, он даже не выглядит пристыженным. – Полезная информация, детка, очень полезная, – мурлычет он, по-прежнему удерживая мои запястья. – Хорошо, что сказала.

– Ты вообще слышал меня? – вспыхиваю я. – У меня серьезные проблемы, и мне не до тебя.

– Детка, все, что решается деньгами – не проблема, а расходы, – лениво улыбается Соболевский, следя за мной взглядом кота, поймавшего мышь. – Когда эти деньги есть – то да, расходы, – огрызаюсь я. – А когда их нет и взять неоткуда – проблема.

Он наклоняется близко-близко к моему уху и горячо, вкрадчиво шепчет:

– Где же твое бизнес-мышление, детка? За что тебя только хвалят преподы, а? Тут же явно рисуется взаимовыгодный обмен. У меня есть деньги, которые тебе нужны. И я готов их тебе дать. Потому что у тебя есть то, что нужно мне. – Что? – хрипло спрашиваю я пересохшим от волнения горлом, хотя уже знаю ответ. И знаю, что он мне не понравится. – Ты.

Я молчу, а Соболевский вдруг начинает нежно покусывать мое ухо, ласкать губами мочку, и это... это приятно. Это томительно-сладко, будто по телу разливается горячий си-

роп. Мне хочется закрыть глаза и отдаться этой волне, этому странному щекочущему чувству, которое возникает во мне от его касаний.

– Ты, – вкрадчиво шепчет он, спускаясь губами к моей шее. Длинно лижет вдоль артерии, словно зверь, а потом прикусывает нежную кожу, и я сладко вздрагиваю, словно одурманенная. – Подо мной. В моей постели. Отдашься мне, детка, и получишь нужную сумму. Соглашайся, все будут в выигрыше. Я избавлюсь от своих навязчивых желаний, а ты продолжишь здесь учиться. Тебе же это нужно, верно?

– Ч-что? – бормочу я, все еще плывущая в этом сладком мареве из его горячего шепота и дразнящих прикосновений. – Но я... Я не хочу так...

– Хочешь, детка. Не ври себе.

– Неправда!

– Тогда что сейчас делают твои руки? – с ухмылкой интересуется Соболевский, и я вдруг понимаю, что он давно уже меня не держит. И мои ладошки, вместо того чтобы отталкивать наглого мажора, гладят его широкую крепкую спину. Сами гладят, даже не спросив меня – будто у них есть какой-то свой, не связанный с моим, разум.

Я тут же отдергиваю руки, как будто могу об него обжечься, а Соболевский издевательски смеется.

– Давай еще раз. Ты дашь мне себя трахнуть, а я решу твои проблемы. Идет?

Я сразу вспоминаю ту девушку, которая была сегодня

утром в одной квартире с Соболевским. Ту, которой он платил за секс и с которой так презрительно потом разговаривал. Он считает, что все продается и покупается. Он уверен, что уже узнал мою цену и что я просто ломаюсь.

Но я правда не хочу. Вот так – не хочу.

– Нет, – говорю я серьезно.

Но Соболевский мне, кажется, не верит.

– Детка хочет, но боится? Ничего, я умею быть настойчивым.

И, наклоняясь, целует так, словно имеет на меня право. Словно он уже купил меня и теперь может делать со мной все, что ему вздумается. Сейчас его губы наглые, жесткие и грубые. Он сминает мой рот, он вжимает меня в свое тело, и я чувствую бедром его возбуждение. Такое твёрдое и очень...внушительное.

Я ерзаю и мычу ему в губы, пытаюсь выбраться, но его это, кажется, только распаляет.

– Будешь так тереться об меня, и наш первый раз будет прямо тут, детка. Я не железный.

Я в отчаянии больно кусаю его за губу, он шипит и на мгновение оставляет в покое мой рот, а я сдавленно бормочу:

– Нет, нет, нет... не надо...

– Вот ты где! – вдруг радостно кричит чей-то звонкий голос. – А я тебя везде ищу!

К нам подбегает незнакомая девчонка. Невысокая, даже

ниже меня. У нее милое личико, обрамленное рыжими кудряшками, яркие зеленые глаза и широкая улыбка.

Совершенно не обращая внимания на Соболевского, она хватает меня за руку и тараторит:

– Скорей, скорее! Ты срочно нужна миссис Грант! Эссе у тебя с собой?

– Эссе... – бормочу я, ничего не понимая. Фамилия преподавательницы мне тоже ни о чем не говорит.

– Слышь, ты вообще кто? И чего тут забыла? – хмурится Соболевский. – Вали отсюда. Не видишь, мы заняты?

– Ой да потом продолжите, после пар. А у нас тут вопрос жизни и смерти, – отмахивается рыжая от него, точно от назойливой мухи. И тут же кричит на английском куда-то в ту сторону, откуда сама пришла: – Миссис Грант! Я ее нашла! Мы идем!

Злой Соболевский нехотя отпускает меня и шипит:

– Мы не закончили с тобой, детка. Я тебя найду, поняла?

Но говорит он уже это мне в спину, потому что энергичная рыжая мелочь очень быстро волочит меня за собой сначала по коридору, потом на два этажа вверх, потом куда-то вбок и наконец затаскивает меня в женский туалет. Причем даже не наш, а другого факультета.

– Сюда он не должен сунуться, – с удовлетворением говорит она. А потом торжественно протягивает мне ладошку и представляется: – Алиса.

– Оля, – машинально отвечаю я. А потом спохватыва-

юсь: – А что за эссе? И миссис Грант – это вообще кто? По какому предмету?

– Откуда я знаю? – смеется моя новая знакомая. – Просто ляпнула первое, что в голову пришло. Мне показалось, что тебя надо спасать.

– Тебе показалось и ты сразу это сделала? – я не верю своим ушам. Неужели кому-то здесь еще не все равно, что происходит с людьми вокруг?

– Конечно, – серьезно говорит Алиса. – А как по-другому?

– Ты недавно здесь, да? – я понимаю, что не видела ее в прошлом году.

– Ага, первокурсница.

– И как тебе? Нравится?

– Ну такое, – пожимает она узкими плечами под просторной, явно ей не по размеру рубашкой. – Слишком пафосно, как по мне.

Она вообще выглядит подчеркнуто неженственно. Широкие джинсы, яркие спортивные кроссовки, чистое, ненакрашенное лицо и рыжие взлохмаченные волосы. При этом я вижу, что у нее брендовый кожаный рюкзак, да и сами вещи на ней явно недешевые.

Но Алиса совсем не похожа на тех высокомерных богатых девчонок, которые здесь учатся. Прямо загадка!

– Соболь давно к тебе пристает? – деловито интересуется она.

– Не очень, а ты откуда его знаешь?

– Ник говорил... – тут Алиса осекается, буквально прикусывая язык. И тут же умоляюще смотрит на меня своими зелеными глазами: – Ты этого не слышала, ладно? Он сказал, что прибьёт меня, если я расскажу кому-то.

– Что расскажешь? – не понимаю я.

– Что он мой сводный брат.

Я на мгновение забываю о всех своих проблемах и только тарашусь на эту девчонку, пытаюсь сопоставить у себя в голове ее и холеного высокомерного Ника Яворского, который будто сошел со страниц модного журнала.

– Не скажешь никому, ладно? – просит Алиса, и я тут же быстро-быстро киваю головой. Потому что сейчас я готова для нее сделать все, что угодно. Она первый человек, которому оказалось не все равно, и я сама не понимаю как, но уже через несколько минут рассказываю ей всю свою историю.

– Я бы дала тебе денег, если бы они у меня были, – с огорчением говорит Алиса. – Но мне выдают совсем немного, чисто на карманные расходы.

– Не надо, – вздыхаю я. – Но спасибо, что ты так думаешь.

– И что ты будешь делать, Оль?

Я чувствую себя странно решительной.

– А какие у меня варианты? Дождусь, пока отчислят, найду бюджетный вуз получше, поступлю туда и буду учиться еще сама параллельно. Слушать лекции на английском, смотреть всякие видео...

– Это сложно, – говорит Алиса с сочувствием. Но оно у

нее не обидное, а теплое, согревающее, как будто меня в теплый плед укутали.

– Я знаю.

– Если что, я могу потом давать тебе свои конспекты. Хочешь?

– Очень хочу! – с жаром говорю я.

Теперь, когда неприятное решение принято, мне гораздо легче. И только одно меня мучает – эти несчастные десять тысяч, которые я так и не вернула Соболевскому. Говорю об этом Алисе, и вдруг ее зеленые глаза загораются азартом.

– Давай подсунем ему их, – предлагает она.

– Куда?

– Ну... в куртку, например. Когда он в туалет уйдет, можно пройти возле его стула и сунуть быстро деньги в карман.

– С ума сошла? Увидят же!

– На перемене мало кто остается в аудитории. – Но я даже не знаю, в какой он группе, – протестую я.

– Я знаю, – улыбается хитро Алиса. – Он в одной группе с моим братом. Хочешь я это сделаю?

– Подбросишь ему эти деньги?

– Ну да! Должно быть очень весело.

Я качаю головой и думаю, что Алиса немного сумасшедшая. Но если она это и правда сможет это сделать, то я буду очень рада.

Она бросает быстрый взгляд на телефон и говорит деловито:

– Так, тогда встречаемся после этой пары на первом этаже у расписания. Ты постоишь на стреме, а я верну бабло. Ладно?

И пока я обалдело хлопаю глазами (я же не соглашалась участвовать!), Алиса уже убегает из туалета, весело махнув мне на прощание.

_____ История Алисы и Ника Яворского рассказывается в книге "Сводные. Любовь вопреки"!

Глава 8. Слабоумие и отвага

Тимур

Провожая взглядом туго обтянутую юбкой задницу моей детки, которая уплывает от меня по коридору в сопровождении какой-то мелкой рыжей заразы. Вот не вовремя, блядь, пришла ее подружка. Совсем не вовремя! Эта недотрога уже почти согласилась!

Я раздраженно матерюсь и фигачу кулаком по стене.

Ладно, до детки я сегодня еще доберусь, а сейчас у меня есть другая проблема, требующая решения. Очень и очень внушительная проблема.

Я смотрю на свою натянутую до предела ширинку, и понимаю, что такое возбуждение надо срочно сбросить, иначе я тут стены буду своим стояком проламывать. Черт, вообще не вспомню, чтобы меня когда-то так сильно штырило. Даже в подростковом возрасте, когда, блядь, от дуновения ветерка вставало.

А все она... чертова детка...

Надо уже скорее трахнуть ее и избавиться от этого наваждения. Известно же: стоит получить то, чего очень сильно хочешь, и все – моментом теряешь интерес. Это работает и с клевыми гаджетами, и с тачками, и особенно с бабами. Какая бы охуенная она ни была, но выдерешь ее несколько раз, и все. Скучно. Ищешь другую цель.

Так что я уверен: на детку у меня будет стоять только до тех пор, пока она упрямится. А упрямиться она будет недолго, потому что теперь я знаю ее цену. Один семестр в нашем университете. И пусть это слишком дорого за вредную девочку в нищенских тряпках, которая наверняка ничего не умеет в постели, но ок. Я могу себе это позволить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.